

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Цена жизни –
смерть*

Фридрих Евсеевич Незнанский

Цена жизни – смерть

Серия «Марш Турецкого»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171416
Цена жизни – смерть: АСТ, Олимп; Москва; 2001
ISBN 5-17-002029-5, 5-7390-1094-2

Аннотация

Бесследно исчезает сын российского вице-премьера. Кто стоит за исчезновением? Кому оно могло быть выгодно? «Важняк» Александр Турецкий начинает расследование, даже не подозревая, что берется за одно из самых загадочных и опасных дел за всю свою жизнь...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	17
1	17
2	24
3	26
4	33
5	35
6	47
7	52
8	61
9	62
10	71
11	79
12	81
13	92
14	94
15	98
16	107
17	113
18	118
19	123
20	125
21	129

Конец ознакомительного фрагмента.

Фридрих Незнанский

Цена жизни – смерть

Пролог

Скорее. Скорее!!!

Господи, ну скорее же...

Исколотые вены попрятались в глубь его немошной плоти. Нужно было как-то выманить их поближе к поверхности кожи. Он судорожно искал, чем бы таким перетянуть руку. Как назло, никакого жгута не нашлось. Не было ни бельевой веревки, ни ремешка, ни даже галстука. Он выдергивал ящики стола, из них летели какие-то бесполезные пожелтевшие бумаги, всякие ненужные мелочи, предметы из другой жизни, которой, уже кажется, никогда и не было.

Он побежал на кухню – на это судорожное движение его еще хватило. Хотя, наверное, из комнаты в кухню он «бежал» несколько минут.

Но на кухне были только горы грязной и битой посуды. Он рылся в буфете и в кухонном столе – бесполезно. Тогда он упал на заплеванный пол и исступленно заколотил по нему слабыми кулаками.

Ему казалось, что он колотил, но на самом деле движения были вялыми, и руки он разбил себе только потому, что на

полу валялись осколки битого стекла.

Он почувствовал боль порезов, и это было хоть каким-то облегчением. Он закрыл глаза и представил себе, что его кровь, прозрачная как вода, вытекает из него пульсирующей стремительной струей и он сдувается, как надувная женщина из секс-шопа. Наконец-то.

Он открыл глаза.

И увидел, что из-за плиты торчит краешек резинового шланга. Он дополз и рванул его на себя, все еще не веря, что нашел что-то подходящее.

Шланг медленно вытягивался, как выползающий на сушу удав, он был полупрозрачный, длиной в метр, с каким-то странным деревянным наконечником, напоминающим мундштук для флейты. И все-таки это был настоящий резиновый шланг, самое лучшее, самое желанное, что можно было найти в такой ситуации.

Он уставился на шланг, не веря своим глазам: откуда он мог взяться за плитой?! Судя по плесени и паутине, он пролежал там месяцы, а может, и годы... Да какая разница, может, он там жил, за плитой, может, он там и родился, в конце концов, может, у него там нора. А в норе дыра, а в дыре первое мая, ура.

Сил подняться на ноги уже не было, и он так и пополз на карачках в комнату, по заплеванному полу, обмотав шланг вокруг шеи, чтобы не потерять, чтобы он не улетучился, чтобы не убежал.

Конец шланга болтался на плече и бил его деревянным мундштуком. И тогда он мутно посмотрел на деревяшку и вспомнил.

Это все, что осталось от его кальяна.

Это все, что осталось от его жизни.

И это то, с чего все когда-то начиналось.

Да, действительно, а все началось с шиши.

Восемнадцать лет назад у него был знакомый итальянский дипломат. Этот итальянец оказался совершенно необычен тем, что ни в малейшей степени не походил на своих темпераментных соотечественников. Итальянец был нордический тип. Но вместе с тем в нем была какая-то непостижимая расслабленность и умиротворенность. Все это как-то присутствовало в молодом еще мужчине, в то же время спокойно, уверенно и целеустремленно делающем дипломатическую карьеру.

Однажды на теннисном корте, когда итальянец, не прикладывая видимых усилий и, кажется, даже не потев, выигрывал у него всухую, он не удержался и задал какой-то дурацкий общий вопрос о смысле жизни, что-то вроде того, почему люди настолько разные и что их заставляет изменяться.

Итальянец улыбнулся, он, конечно, понял подоплеку такого интереса и спросил своим ровным голосом, обнажая в широкой улыбке чуть желтоватые зубы (это, кажется, был его единственный изъян):

– Ты знаешь, что такое кальян?

– Кажется, курительная трубка? – ответил он и запоздало сообразил, что вопрос был риторическим.

Вечером того же дня у себя дома итальянец показал ему, что такое кальян.

– Курительная трубка по-арабски произносится «гальюн». (Не надо путать с сортиром.) Так что и название курительного приспособления происходит отсюда – «кальян». Правда, в свое время в Египте я столкнулся с тем, что сами арабы совершенно не воспринимают это слово. Для них паролем являются два заветных слога: ши-ша. Шиша обозначает все: и табак, и аппарат для курения, и сам процесс. Суть шиши не в том, чтобы, перекурив, пойти дальше, а в том, чтобы, однажды затянувшись, прирасти к одному месту надолго.

– Ну и что? – спросил он. На него все это не произвело особого впечатления: подумаешь, кальян.

– Сейчас попробуешь, и тогда слова перестанут быть пустым звуком, – пообещал итальянец.

И как же он оказался прав.

– Вот смотри. Шишу курят через длинный резиновый шланг. – Прежде всего итальянец приготовил жаровню, где постоянно тлели древесные угольки. На это ушло больше получаса.

Поглядывая на часы, он подумал, как странно, вроде мангала для шашлыков. И это всего-навсего чтобы закурить.

– Нервничаешь? – заметил итальянец. – И напрасно. Ка-

льян – самый спокойный, самый неторопливый из всех известных методов вдыхания дыма. По крайней мере, мне известных. И кстати, самый обстоятельный из всех табачных досугов. Да и самый созерцательный тоже. Вот смотри, это главный сосуд, – итальянец похлопал по латунной колбе, – в прежние времена арабы делали его из тыквы...

В главный сосуд он залил воду. Она должна была остужать дым и служить фильтром, задерживающим табачные смолы и никотиновый яд. В медную верхотуру итальянец уложил табак – шишу.

– Перед употреблением его моют и сушат, – сообщил итальянец, – но в кальян кладут немного влажным, чтобы не слишком быстро скуривался. – Из жаровни специальными щипчиками итальянец достал уголек и положил сверху на табачную горку. Это сооружение венчал резиновый шланг с деревянным наконечником – мундштуком.

– И что дальше? – спросил он у итальянца, когда все приготовления были закончены.

– Теперь-то все и начинается. Вдыхай аромат через шланг, заставляя при этом «штормить» воду в сосуде.

Он затянулся.

– Нет, подожди, – сказал итальянец. – Вот затягиваться-то как раз и не надо.

– Как же это, курить и не затягиваться? – удивился он.

– Когда куришь кальян, не принято пускать дым к себе в потроха. Это тебе не сигарета.

– Вот именно, – сказал он и сделал так, как говорил итальянец. – Сигарета лучше и проще.

– Погоди, – усмехнулся итальянец, – еще рано делать выводы. Табак для шиши отличается особой духовитостью. Когда куришь кальян, дым лучше клубится и, кроме того, безопаснее – водяные фильтры почти не пропускают никотин.

Тогда он сделал еще одну затяжку и задержал дым во рту. И уже был совершенно не уверен в том, что говорил минуту назад. Впрочем, он уже не был уверен, что прошла минута. А почему не час, не день, не десять лет...

Итальянец тем временем приготовил кальян и для себя и уселся рядом и стал излагать свои взгляды на жизнь и на табак.

– Курение кальяна – занятие публичное. Я работал в Египте, так вот там курительную услугу можно получить в общественных местах: на рынках, в отелях, в кафе. Табак для шиши часто ароматизируют фруктами и травами. Но настоящие курильщики предпочитают чистый табак, без каких-либо примесей и посторонних запахов.

– Шиша, – протянул он и подумал, что еще никогда в жизни не говорил так медленно и вдумчиво, никогда так не чувствовал слов, которые произносил. – Звучит так, что похоже на гашиш...

– Нет, – засмеялся итальянец. – Египетские арабы очень законопослушны. Да и я думаю, что кальян слишком хорошая вещь, чтобы портить его такими штуками.

Напоследок итальянец сказал:

– Запомни, что ритм жизни у человека, курящего кальян, совершенно иной. Он уже никуда не торопится, но все успевает. Ты только попробуй – и сам все поймешь.

Он попробовал и понял.

Он банально сравнивал ощущение от курения кальяна с рюмкой хорошего коньяка, вот только разница была в том, что действие коньяка либо быстро проходило, либо при добавлении вырастало в нечто большее, уже ненужное, громоздкое и удручающе энергичное, от которого при всем желании нельзя было избавиться, покуда хмель не выветривался из головы.

Когда же во рту у него были клубки дыма, а в руке – резиновая трубочка с мундштуком, он мог длить это восхитительно ровное состояние до бесконечности. То есть до того момента, пока не выкуривал весь табак.

Удивительно, но довольно быстро он приобрел те самые черты, которыми так восхищался у итальянца. Стал вальяжным, немного расслабленным, чуть снисходительным собеседником. В его красивом, волевом лице появились мягкие черты. Он стал уравновешенным, и все шло своим чередом. Все приходило словно само собой. Женщины сходили по нему с ума. Карьера складывалась наилучшим образом.

Метаморфозы, произошедшие за каких-то полгода, были невероятны. Он все еще никак не мог поверить, что это случилось с ним.

Когда он первый раз попробовал добавить к шише травку, результат вышел удручающим: у него разболелась голова, а все удовольствие от ровного, спокойного кайфа шиши было потеряно из-за волнообразных толчков, которыми воздействовала марихуана на его мозги.

Но зато это было начало. И начало стремительное. Наверное, самые опытные московские наркологи не смогут припомнить случая более быстрого низвержения в бездну.

Уже после одного этого раза все пошло к черту. Его перестало удовлетворять наличие спокойного ровного удовольствия, которым так дорожил его друг-итальянец. На травку серьезно подсесть нельзя, в этом он был уверен и потому такими же семимильными шагами ринулся дальше, минуя анашу, гашиш и марихуану, благо возможности находить наркотики у него были широкие.

Фармацевтическая промышленность предлагала изворотливым гражданам большой выбор разнообразных медикаментов, «расширяющих сознание».

Он вспомнил типичный анекдот советских времен. Наркоман нанялся сторожем в зоопарк – караулить черепах. Проработал одну ночь, и когда на следующее утро сотрудники зоопарка пришли на службу, то увидели, что в террариуме не осталось ни одной черепахи. «Как же так?!» – спросили наркомана. «В натуре, чуваки, – ответил он, – я калитку приоткрыл, а они как ринулись!»...

А когда появилась возможность доставать героин, он по-

нял, что нашел наконец свою единственную любовь. И свое призвание. Ведь ничто и никогда так не радовало его. Ничто не давало таких богатых и глубоких эмоций. Ничто не ввергало в такую пучину переживаний.

Внешне все рухнуло. Карьера была разрушена, друзья отвернулись от него, женщины давно бросили.

Но он-то знал, что был абсолютно счастлив. К другим наркоманам, к их жалким потугам слезть с иглы, к их безвольному прозябанию, к их психологической зависимости он сам относился с непередаваемым презрением.

Ведь он сидел на игле больше пятнадцати лет. И был глубоко убежден, что если бы не старания близких, если бы не их настойчивые попытки «исправить» его жизнь, иногда приносившие временный успех (а потому уводившие его от главной линии жизни), если бы он был снабжен героином на долгие годы вперед, то и прожил бы их – вплоть до глубокой старости, никого не трогая, никому не завидуя и никому не мешая.

Потому что больше всего в жизни он хотел быть наркоманом, и он был им.

И вот сейчас он лежал в комнате, когда-то поражавшей знакомых своей обстановкой, а теперь совершенно пустой. Только крошечная битая-перебитая магнитола «Сони» подмигивала красным огоньком. Он лежал на спине и слышал не то музыку, не то стихи:

Пей розовый сок,
кури зеленый росток —
времени мало.
Тает желтый песок —
скоро кончится срок,
бери что попало.

Это по «Нашему Радио» гоняли последний хит группы
«Мечтать»...

Слева-справа петля,
под ногами земля
кружит неустанно.
А на душе светло,
словно солнце взошло
и засияло.

Это было словно о нем.

Он открыл кожаный несессер, единственную на свете вещь, которой он дорожил— подарок брата, и достал оттуда многоцветный шприц с навинчивающейся металлической головкой и прокопченную серебряную столовую ложку. Собственно, больше в нем ничего и не было, все отделения, предназначенные для ножниц, пилочек для ногтей, бритвы и тому подобных мелочей, составляющих быт следящего за собой интеллигентного мужчины, были давно и безнадежно пусты. Несмотря на трясущиеся руки, автоматическим рациональным движением он с ходу навинтил на шприц недоста-

ющую часть и, усмехнувшись, подумал, что такими же четкими, отточенными жестами могут похвастаться разве только киллеры, собирающие свое оружие перед работой.

Больше он не успел ничего сделать, потому что в квартире появился Голос. Голос был не мужской и не женский. Он перестал различать людей по полу, это ничего не значило. Присутствие Голоса ничуть его не удивило, за долгую свою карьеру наркомана и не такое случалось.

– Ты кто? – на всякий случай все же спросил он, но на самом деле лишь шевельнул губами.

– У тебя провалы в памяти? – удивился Голос. – Я твой доктор. Ты уже почти здоров, дорогой, осталась самая малость, осталась последняя доза.

– Доза?

– Доза лекарства, я имею в виду. У тебя была страшная ломка. Непостижимо, как ты ее выдержал. Но зато это значит, что наше новое лекарство действует! И это феноменально. Скоро ты станешь новым человеком. Я тебе помогу. Давай сюда шприц.

Он хотел было сказать, что не желает становиться ни новым, ни человеком, но он уже и не желал говорить что бы то ни было.

Голос поколдовал над ним, но он уже не ощущал ни его присутствия, ни укола, ни себя.

Он почувствовал только легкое шевеление не то у груди, не то у лица, словно дуновение ласкового ветра... Но движе-

ние ушло куда-то вверх. Последний раз он сделал усилие и посмотрел наверх. И успел увидеть, как туда унеслась странная легкая тень. Это была его душа.

Часть первая

1

В оправдание Турецкого следует заметить, что он встретил ее случайно. Как человек порядочный, он не искал приключений.

Встреча произошла на брифинге в Национальном бюро по наркотикам, а на брифинг он угодил по досадной оплошности – не вовремя попался на глаза начальству.

Публика собралась весьма представительная, в президиуме восседали: зам. министра внутренних дел, начальник УНОН (Управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков) генерал-лейтенант Кривенков, еще один генерал из ФСБ. Двух последних Турецкий видел впервые в жизни и, если бы не стоявшие перед ними таблички с указанием фамилии и должности, так бы и не узнал, что это за важные птицы. Партер заполняли тоже сплошь высокие чины.

Она делала доклад. Ее место в президиуме пустовало, а на табличке значилось: «Т. В. Старухина. Директор НБН». То есть Национального бюро по наркотикам. Королева бала.

Турецкий опоздал: по случаю жары купил в буфете пару банок холодного (оказавшегося совершенно ледяным) пива и теперь был вынужден любоваться докладчицей из по-

следнего ряда. Около сорока пяти, определил он, хотя не дашь ни за что. Не из тех, которые ягодки опять, а чрезвычайно редкое у нас явление – по-прежнему секс-символ, без всяких скидок, в лучших голливудских традициях. Благородный фас (в профиль она не поворачивалась), чуть-чуть надменный, но тут понятно: должность обязывает, волосы собраны сзади в замысловатую конструкцию, натуральная блондинка – во всяком случае, в это отчаянно хотелось верить, – стройная, как фотомodelь. По крайней мере, выше пояса, остальное скрывала трибуна. Он пытался проникнуть сквозь нее взглядом и даже вспотел от напряжения.

И еще оттого, что солнце припекало его бок. Вообще в зале было достаточно свежо, а окна занавешены, и конечно же единственное жаркое место досталось ему, за то что позволил себе пять минут блаженства – то самое пиво, от которого ломило зубы. Вторая банка лежала в пакете и хранила пока былую прохладу. Турецкий косился на нее с вожделением, но приложиться не решался. Отчасти потому, что ему казалось – она смотрит именно на него: Старухина выступала не по бумажке. Допустим, предположил Турецкий, по совету старины Карнеги она выбрала из всей аудитории наиболее приятное лицо.

Кто-то из-за спины потянул пакет, и он инстинктивно вцепился в ручку, не отрывая взгляда от докладчицы.

– Не жмись, Турецкий! – зашептал сидевший сзади в самое ухо. – Прохладился сам, поделись с товарищем!

– А, Славка. – Он выпустил пакет и, по-прежнему не обращившись, протянул руку за голову для приветствия.

– Ты охренел, Александр Борисович, – возмутился Грязнов, – со старым другом здороваешься, повернувшись задницей, и вообще, если будешь так на нее пялиться – штаны лопнут. Сплавил, значит, Ирину Генриховну с Нинкой в отпуск – и сразу в бой.

Турецкий наконец оглянулся. Грязнов сидел на приставном стуле, прячась от солнца в его, Турецкого, тени и тоже поедая глазами докладчицу. И после этого имел наглость разводить моралите и требовать сатисфакции в виде пива! Он дернул пакет, но ему досталась только ручка. Сосед-ветеран соорудил недовольную мину и призвал его к порядку. И она, теперь уже совершенно определенно, обратила на него внимание и даже сделала пятисекундную паузу. А потом продолжила речь, переведя взгляд куда-то в первые ряды.

С лицом Турецкого, видимо, произошла серьезная метаморфоза, потому что Грязнов сказал участливо:

– Не переживай, Сашка, вдруг у нее ноги толстые. Или кривые? Спорим на пиво! Здесь, говорят, обалденный буфет. – И добавил уже своим обычным язвительным тоном: – А контора твоей мадам Старухиной – сплошная туфта, имел раз с ними дело. Ты послушай внимательно, в чем, по ее мнению, состоит пафос текущего момента. Все вокруг мурашки, а она – граф... графиня де Монсоро.

Сосед-ветеран шикнул теперь на Грязнова:

– Вячеслав Иванович! Вы же начальник МУРа! А ведете себя как участковый из деревни Авдотьино на симфоническом концерте!

К удивлению Турецкого, Грязнов сделал извиняющийся жест и, что называется, обратился в слух. Пришлось присоединиться; интересно, что еще за шишка такая этот сосед.

– Особенно стоит сказать о детской наркомании, – продолжала Старухина. – За последний год количество преступлений, совершенных под воздействием наркотиков, только среди подростков возросло в семнадцать раз. На сегодняшний день в столице функционируют двадцать три медико-социальных реабилитационных центра для подростков, страдающих наркозависимостью. Только в прошлом году в московских наркодиспансерах состояли на учете восемнадцать (восемнадцать!) тысяч несовершеннолетних, а за совершение преступлений в состоянии наркотического или токсического опьянения было задержано более двадцати тысяч подростков. Между прочим, медики вообще регистрируют наркоманов в несколько раз больше, чем правоохранительные органы. По официальным медицинским данным, наркоманов сейчас тридцать пять тысяч, и почти одна треть из них – подростки. – В голосе Старухиной послышался демонстративный скепсис. – По нашей же статистике, в Москве пятьдесят восемь тысяч наркоманов. Но и это только те, кто зарегистрирован. Согласно же последним исследованиям, бази-

рующимися как на оперативных, так и на косвенных данных, можно с уверенностью утверждать: в Москве проживает сегодня, по крайней мере... полмиллиона наркоманов.

Она сделала театральную паузу и обвела взглядом зал.

Полный бред, подумал Турецкий (до того он слушал ее речь как музыку, не слишком углубляясь в смысл). Можно подумать, каждый десятый житель столицы, считая грудных младенцев и высоконравственное старшее поколение, сидит на игле, или на колесах, или балуется травкой, или, не знаю, ставит себе опиумные клистиры. Бред.

– Я полагаю, некоторые из присутствующих сочтут названные цифры нереальными, – как бы возразила она его молчаливому негодованию и опять обвела глазами зал. – Однако в своих расчетах мы опирались на среднее расхождение между числом зарегистрированных и выявленных наркоманов на тех уникальных, следует с сожалением признать, территориях, где процент выявляемости приближается к ста. И разница эта десятикратная. Кроме того, поддается достаточно точной оценке количество ежегодно выращиваемого и перерабатываемого опиумного мака и другого наркосодержащего сырья, потребляемого в конечном счете жителями столицы. И мы вновь получим тот же устрашающий итог – миллион наркоманов в Москве.

Сосед обернулся к Грязнову и покачал головой:

– Вячеслав Иванович, по-моему, это вызов здравому смыслу.

– Н-н-н... – уклончиво ответил Грязнов.

Турецкому тоже захотелось высказать свое мнение, но Славка зашептал на ухо:

– По-моему, она заканчивает, сейчас пойдет на место, не прозевай ножи. Обнаружим изъян – пиво с тебя.

– А вот еще статистические данные из Центра временной изоляции для несовершеннолетних преступников, – гнула свое Старухина. – После прохождения курса реабилитации практически все подростки (а точнее, девяносто восемь процентов) заявляют, что никогда не будут больше употреблять наркотики. Однако сдержать обещание и избавиться от пагубной привычки, от этой ужасной болезни удастся лишь четырем процентам наркоманов...

Вопреки грязновскому предположению, она говорила еще довольно долго. И бесспорно красиво, но слишком научно-популярно, и Турецкий вернулся к созерцанию.

В конце концов она закончила просвещать аудиторию и покинула трибуну. Турецкий даже привстал, чтобы рассмотреть получше. Но. Но увы. Увы, ранее недоступные для созерцания части тела таковыми и остались – их скрывали просторные шелковые брюки а-ля Марлен Дитрих.

– Пока один-ноль в твою пользу, – зашептал Грязнов, – во всяком случае, они у нее не короткие.

Потом выступал генерал Кривенков, и тоже не поведал ничего выдающегося, а смотреть на него тем более не было никакого интереса. Через полтора часа наконец перешли к

вопросам из зала, началась некоторая неразбериха. Турецкий с Грязновым, воспользовавшись непосредственной близостью выхода, немедленно из зала удалились.

– В буфет? – задал Турецкий риторический вопрос.

– Погоди. Надо все-таки выяснить.

Они прождали еще минут двадцать, пока мероприятие не закончилось и народ не повалил из зала. Грязнов перехватил на выходе Старухину и постарался увлечь поближе к окну.

– А, Вячеслав Иванович! Наслышана... – Она не позволила Грязнову взять себя под руку, от чего Турецкий испытал истинное наслаждение. Но к окну подошла.

Он не слышал, о чем они говорят, – изучал ее брюки на просвет. И ни единого изъяна не обнаружил, даже малого намека на изъян. Все, пиво со Славки. Он подал знак, и Грязнов со Старухиной приблизились к нему.

– Позвольте представить, Татьяна Викторовна, лучший в мире следователь Генпрокуратуры по особо важным делам Сан Борисыч Турецкий.

Она протянула руку и бодро улыбнулась (сам Турецкий последние минуты ощущал, что от инфаркта его может спасти только экстренная доза холодного «Туборга»).

– Я все время на вас смотрела. У вас было такое лицо, словно вы не понимаете, что происходит и как вы здесь оказались.

В буфет они не пошли, народу туда набилось как в лучшие советские времена – всем после томительного брифинга хотелось освежиться. Выбрались на улицу и направились к ближайшему кафе. Уселись за столиком прямо на тротуаре, заказали по баночке «Туборга» (платил, естественно, Грязнов, поскольку проиграл) и орешков – есть в такую жару совершенно не хотелось. Огромный зеленый зонт над головой создавал иллюзию прохлады, но только иллюзию. В тени было, наверное, градусов тридцать. Пиво, даже ледяное изначально, мгновенно нагревалось, потому пить приходилось быстро. В десяти метрах с ревом проносились раскаленные машины, уминая податливый асфальт, на горизонте висело зыбкое горячее марево, пахло бензином, горячей пылью и подгоревшим жиром из расположившегося рядом гриля. Этот последний запах разбудил в Грязнове аппетит.

– Может, цыпленка сжует?

– Он же горячий, – лениво возразил Турецкий.

– Ну, закажи себе мороженое.

Переливчато и длинно забибикал пейджер, Турецкий по звуку определил, что вроде не его, Грязнов тоже, но оба потянулись к карманам с единственным желанием, чтобы все-таки чужой. Оказалось, не повезло обоим. Биперы сработали одновременно, оттого и вышла такая чудная трель.

*«В 12.50 у меня. Обязательно и без опозданий.
Меркулов».*

– Начальство вызывает, – вздохнул Турецкий.

– Аналогично, – буркнул Грязнов и подозвал официанта: – Пару цыплят сухим пайком заверните.

– Давай вечером ко мне, – предложил Турецкий, – посидим спокойно, моих же нет. И цыплята к тому времени как раз остынут.

– А кондиционер у тебя есть?

– Есть три вентилятора и полный морозильник льда... и еще холодный душ.

– Заметано, – кивнул Грязнов, принимая у официанта объемистый пакет. – Тебя подвезти?

Турецкий взглянул на припаркованную у тротуара раскаленную «Ниву» и отказался:

– Я лучше на метро, там прохладно.

Нужно было все-таки на Славке подъехать, вяло упрёкал себя Турецкий, с семиминутным опозданием проникая к Меркулову.

В кабинете заместителя генерального прокурора натужно ревел кондиционер, создавая вполне сносную атмосферу. Константин Дмитриевич и еще какой-то толстый тип сидели за маленьким столиком и потягивали чай со льдом. Красное щекастое лицо посетителя лоснилось от пота, и он по минутно обтирал его огромным клетчатым платком. Пиджак гостя висел на спинке кресла, узел галстука покоился где-то в области живота. Лицо это Турецкий уже определенно где-то видел, – скорее всего, по телевизору. Наверняка какая-нибудь правительственная шишка со своими личными неразрешимыми проблемами, которые никак нельзя доверить обычным ментам не вследствие реальной сложности и глобальности, а просто потому, что чин обязывает пользоваться исключительно услугами следователей по особо важным делам.

Меркулов Турецкому ничего не сказал, только посмотрел на часы, а потом поверх очков на «важняка» со значением. Гость с некоторым трудом вынул себя из кресла и, для проформы подтянув галстук сантиметра на полтора вверх, начал знакомиться:

– Промыслов Валерий Викторович. Наслышан о вас как о высоком профессионале. Рад встрече и возлагаю на ваш профессионализм большие надежды. – Он перевел дух и вытер снова взмокший лоб. – Жарко, не правда ли?

– Лето же, – сдержанно ответил Турецкий.

– Я тут начал было излагать Константин Дмитричу подробности... – Промыслова прервал звонок мобильного. – Извините. – Он, поморщившись, взялся за трубку: – Слушаю. Да-да. Да слушаю же. Черт, вот вам и японская техника, ничего не слышно. – Он беспомощно посмотрел на трубку, издававшую нечленораздельные хрипы, а потом на Меркулова: – От вас можно позвонить?

Костя кивнул в сторону батареи телефонов на своем столе.

– Зеленый – городской.

Промыслов поплелся звонить, а Турецкий, придвинув к столику третье кресло, уселся под самый кондиционер и щедро навалил себе в стакан льда, лимона, сахару и плеснул немного чая.

– У него сын пропал, – вполголоса сообщил Меркулов, – хочет, чтобы ты нашел.

– А собака у него не пропала? Или, может, попугайчики, или рыбки из аквариума?

– Не паясничай. С генеральным уже все согласовано.

– Вот так, значит? – надулся Турецкий. – Как в отпуск, так нельзя. Дела государственной важности, Россия гибнет без «важняка» Турецкого. А дела-то всего – вернуть блудного

сына под родительский кров. Кстати, кто у нас папа?

– Вице-премьер. Ты что, телевизор не смотришь?

– Зимой смотрю, а летом он у меня бастует – жарко, говорит, транзисторы плавятся.

Промыслов наконец закончил разговор и, отдуваясь, вернулся в кресло.

– Дело, Александр Борисович, деликатное и, возможно, для вас необычное. Пропал человек, Промыслов Евгений Валерьевич. Как вы уже догадались, мой сын. В последний раз Евгения видели десять дней назад в его квартире на Цветном бульваре, откуда он ушел в сопровождении подозрительных личностей, и с тех пор о его местонахождении ничего не известно. Евгению тридцать два года, не женат, родственников, кроме нас с супругой, нет. Последние полгода не работал. Его мать настаивает на том, что это похищение, и в принципе я с ней согласен...

– Вам выдвинули какие-то требования? – справился Турецкий.

– Нет. Пока, во всяком случае, нет.

– А не мог он просто уехать с друзьями, например к морю, лето же?

Промыслов сокрушенно покачал головой:

– Я не сказал вам самого главного. Евгений употребляет наркотики. И... поскольку постоянных источников дохода у него нет, он вынужден регулярно обращаться за деньгами ко мне или моей жене...

– И вы регулярно снабжали его деньгами? – искренне удивился Турецкий.

– Я регулярно помещал его в самые лучшие клиники, и в России и за границей, но ремиссия длилась в лучшем случае неделю-полторы, а потом все начиналось сначала. А деньги... Да, деньги я давал, лучше пусть возьмет у меня, чем пойдет грабить на дорогах. – Промыслов вынул из портфеля тонкую папку и протянул Турецкому: – Вот тут вы найдете адреса и телефоны его знакомых, несколько фотографий и другие сведения, которые могут вам пригодиться. Если будет нужно что-то еще – звоните немедленно, там есть и мои телефоны. И насчет текущих расходов можете не беспокоиться, я все компенсирую.

– Какие наркотики он принимает?

– Амфитамины и, кажется, опиум.

– Вы ведь уже, наверное, что-то предпринимали? – вклинился Меркулов.

– Конечно, жена регулярно обзванивает больницы и морги, но все безрезультатно. Мы уверены, что Евгений жив, нужно искать.

– А люди? – возмутился Турецкий. – В одиночку я полгода искать буду, он скорее сам домой вернется.

Меркулов только пожал плечами, у него лишних людей вообще нет, а в сезон отпусков и подавно каждый человек на счету. У вице-премьера тоже, очевидно, лишнего десятка телохранителей не было.

– Что вы предлагаете? – спросил Промыслов.

– Честно говоря, предложение мое несколько... м-м-м-м... нетривиально, – пробормотал Турецкий и посмотрел и Меркулова.

Тот слегка напрягся:

– А именно?

– Возможно даже, что оно противоречит некоторым м-ммм... нормам.

– И все-таки? – нервно настаивал вице-премьер.

– Поэтому я говорю это только как частное лицо. Я бы порекомендовал вам подключить к розыскам сына хорошее детективное агентство.

– И у вас есть такое на примете, – не то спросил, не то догадался Промыслов.

– «Глория». Вы ведь, кажется, упоминали, что материальные затраты вас не смущают.

Промыслов посмотрел на «важняка» укоризненно.

– У вас ведь тоже есть дети? Это, знаете ли, тот случай, когда, не задумываясь, отдашь последнюю рубашку. Но вот это детективное агентство...

До последней рубашки, пожалуй, не дойдет, если найдутся деньги, чтобы зелье оплачивать, на Денисовы услуги и подавно найдутся.

– За их профессионализм я ручаюсь, за личную скромность тоже. Вот и Константин Дмитрич подтвердит.

Меркулов сдержанно кивнул.

– Поступайте, как считаете нужным, – согласился Промыслов. – Извините, я должен ехать. Держите меня в курсе. – Он протянул Турецкому влажную ладонь.

– Ну спасибо, Костя, – буркнул Турецкий, когда они остались вдвоем. – Удружил. Век не забуду. И детям накажу, чтобы не забывали. И внукам...

– Кончай брюзжать, – вздохнул Меркулов, – думаешь, мне улыбаются всем этим шишкам штаны держать? Закончишь с делом, поедешь в отпуск, это тоже с генеральным согласовано.

– А чего там, собственно, заканчивать? Завтра же позволю Промыслову, скажу, что след сына обнаружился в Дагомысе, и поеду его как бы ловить.

– Я тебе позвоню, – незло погрозил пальцем Меркулов. – Кстати, почему именно в Дагомыс, а не в Сочи, например?

– В Сочи у меня Ирка отдыхает, а курортные романы – дело святое... Зачем ей мешать. Полгода меня пилила, денег требовала. Наскребли на билеты в оба конца и путевку без питания. Нинка гитару с собой потащила, сказала: деньги кончатся, будут песни петь по подземным переходам. Представляешь, дают это они концерты с большим успехом: дипломированный музработник Ирина Генриховна с дочерью, вокруг поклонники, бомонд, богема, спонсоров себе уже завели, меценатов, а тут я появляюсь... – Турецкий потянулся, хрустнув суставами. – Ладно, пойду составлять план следственных мероприятий. Только тут вот такая загвоздка, Ко-

стя. А что делать, если наш Жека все-таки бомбанул кого-то или, того хуже, грохнул? Предавать его в суровые руки правосудия или у него как у сына вице-премьера иммунитет?

– Ты его вначале найди, а там разберемся.

Турецкий спустился к себе и позвонил Денису Грязнову. Договорились встретиться через час у цирка на Цветном бульваре.

Начинать определенно стоило с квартиры, где Жеку видели последний раз, а там – по обстоятельствам.

Если окажется, что это все-таки похищение, нужно подключать РУБОП и не заниматься самодеятельностью, если Промыслов-младший из потребителей переквалифицировался в распространители и получил распределение в какой-нибудь Новохоперск. Тогда этим опять же должны заниматься профессионалы, то есть УНОН, а если он просто под кайфом ушел из дому и потом забыл, как его зовут, тут уж придется поработать Денису.

Турецкий взглянул на фотографию пропавшего: обычный парень, брюнет, волосы ровные, зачесанные назад, немного узкоглазый или щурится, тонкий нос, тонкие губы, ямочка на подбородке. В общем, бабам такие нравятся, особенно если он еще и трепаться умеет – подружек, случайных знакомиц, партнерш по развлечениям, должно быть, не один десяток. Странно, а в папином списке ни одной женской фамилии.

И вообще, фамилий только три – очевидно, Жека друзей предпочитал домой не водить, зато имеется краткая биогра-

фия. И учился наш Евгений не чему-нибудь и как-нибудь, а в химико-технологическом институте имени товарища Менделеева и даже его закончил, а это, собственно, дает еще один вариант развития событий. Жеку, как классного химика, наркоторговцы вполне могли припахать на каком-нибудь подпольном заводике, а зарплату ему выдают прямо натурой. В таком случае найти его будет крайне затруднительно – сам он от такой кормушки не сбежит, а когда его услуги больше не понадобятся, хозяева его просто пристрелят в целях конспирации.

Еще в папке лежал ключ – очевидно, от квартиры на Цветном бульваре – и фотография Жеки в возрасте лет десяти в плавках, где четко просматривалось большое родимое пятно на правом бедре, по которому его, конечно, можно будет опознать, если лицо вдруг изуродуют до неузнаваемости.

Турецкий поймал себя на том, что начинает злиться и нервничать, но причиной, как ни странно, служил не Жека и даже не его папа, а необходимость выбираться из прохладного кабинета на жаркую улицу.

Денис ждал на лавочке в сквере. Посидели, покурили. Поглядели издалека на дом, в котором располагалась Жекина квартира.

– То есть придется притоны шерстить? – справился Денис.

Подтекст вопроса был ясен как день. Денису, как Турецкому, идти никуда не хотелось. В скверике было хорошо, еще бы пивка.

– Придется, – лениво согласился Турецкий. Кроме пивка ему мнился еще и уютный гамак с подушечкой, и чтобы бриз с моря, и чтобы сосны шумели.

– И клиники, и диспансеры, и анонимные консультации частных наркологов?

– И их тоже.

– А также бордели, общаги...

– Угу.

– Сан Борисыч, – вдруг оживился Денис, – а квартира у нашего героя на каком этаже?

– На пятом.

– А это не у него на балконе тетка дымит с голыми сиськами, пардон, с бюстом?

– Пошли, – скомандовал Турецкий.

Они рысью достигли нужного подъезда и, не дожидаясь лифта, взбежали на пятый этаж. Из-за двери доносилась при-

глушенная музыка и тошнотворный запах. Турецкий позволил. Открыла, судя по всему, та же девица, которую они узрели на балконе, по крайней мере, другой одежды, кроме шорт, на ней не было.

– Сгущенку принесли? – требовательно поинтересовалась девица, пропуская их в квартиру.

– Чего? – не понял Турецкий.

– Вас только за смертью посылать, – огорчилась она, – или на фиг.

– Женя дома? – спросил Денис.

– А кто это?

– Ну, хозяин квартиры.

– Эй, пиплы, тут Женю аскают! – Девица потащилась в комнату. – Женя!!!

Мебель в комнате отсутствовала напрочь. На полу сидели пятеро парней не старше двадцати пяти, длинноволосые, голые по пояс, в джинсах и носках. Между ними стояла бетонная урна, на которую они неотрывно смотрели, не обращая ни малейшего внимания на вновь прибывших. Промыслова-младшего среди них не было. В углу комнаты кучей валялись три гитары и саксофон.

– Обдолбанные, – пожала плечами девица, – оттягиваются.

– Зачем они на урну смотрят? – шепотом спросил Дениса Турецкий.

– Они ее взглядом поднимают, и им там внутри кайфа ка-

жется, что она поднимается, – объяснил Денис.

– Я Зая, – девица потерлась обнаженной грудью о плечо Дениса. – Пыхать будешь?

– Я уже, – не моргнув глазом, соврал Денис и показал ей фотографию пропавшего Промыслова. – Это Женя, ты его знаешь?

– Пошли потарахтим, я же вижу, у тебя на меня стэнда. – Зая плотнее притерлась к Денису и совершенно недвусмысленно занялась его брюками.

Турецкий заторопился на помощь младшему товарищу, который как-то сопротивлялся неактивно. «Важняк» сгреб девицу в охапку и поволок на кухню.

– Первый, да? – загоготала она ему в самое ухо. – А мне олдовые мэны даже больше по кайфу. Только надо пыхнуть. Будешь?

– Не буду, и ты не будешь. – Турецкий усадил ее на вращающийся рояльный стульчик, единственное на кухне посадочное место, и продемонстрировал корочку. – Не пыхнуть нужно, а поговорить.

На кухне тошнотворный запах, которым была пропитана вся квартира, только усиливался, а в районе плиты достигал своего апогея. Его источала двухлитровая алюминиевая кастрюля с томящимся на медленном огне варевом. Рядом на столе стоял большой полиэтиленовый пакет со свежей, еще даже не завядшей коноплей и три пустые банки из-под сгущенки. Турецкий выключил газ и распахнул окно.

– Полиса? – скривилась девица.

– Чего?

– Ну, мент?

– Генпрокуратура. Как вы попали в эту квартиру?

– Была маза вписаться во флэт.

– А по-русски?

– Ну, пустая хата, никто не гонит... Я пыхну, да? – Не дожидаясь позволения, она схватила сковородку и, насыпав на нее немного листьев, поставила на огонь. Пока трава подсыхала, Зая ловко распотрошила беломорину и тут же набила папиросу коноплей.

– Надо бы наряд вызвать, – шепнул Денис Турецкому, – в отделении и поговорим.

– Тут она нам больше расскажет, – ответил «важняк». – Раньше вы бывали в этой квартире?

– Найтовали пару раз...

– Ночевали?

– Ну.

Он еще раз показал ей фотографию:

– Вы его знаете?

– Ну чего ты прискипался?! Не видишь, и так не вставляет. – Девица глубоко затянулась и медленно выпустила вонючий дым.

– Повторяю, вам знаком этот человек?

– Безмазняк. – Она с сожалением затушила окурок. – Клевый мэн, оттяжник.

– То есть вы его знаете?

– Ну.

– А где он сейчас? Когда вы его в последний раз видели?

– Подписал гирлу на фак, – высказала предположение девица, – или скипнул.

Похоже, ей все-таки вставило – зрачки сузились до размера булавочной головки, речь, и без того неторопливая, замедлилась до одного слова в минуту, по лицу блуждала блаженная улыбка.

– Скипнул – это сбежал? Скрылся? – пытался как-то растормошить Заю Турецкий. – Почему сбежал? От кого?

– Миноносец стремительный! – заржала она во весь голос. – Прайсовал всю тусовку, а потом стал беспрайсовый. Его тут аскали цивилы...

На этом она отключилась – медленно сползла со стульчика и завалилась на пол.

– Пошли наряд вызывать, – махнул рукой Турецкий. – Тут, кажется, должен быть телефон.

Они обследовали квартиру. Парни, натешившись урной, отставили ее в сторону и взялись за инструменты, рядом стоял магнитофон, включенный на запись, и квартет выдавал мелодию, чем-то напоминающую кришнаитские песнопения. Пятый парень барабанил ладонями по полу, создавая ритм. Попытки Дениса выдернуть хоть кого-нибудь из них из транса оказались бесплодными.

Телефон отсутствовал – только розетка с оборванными

проводами, аппарат, очевидно, унесли и продали или эти гости, или, возможно, еще сам Жека.

Звонить отправились к соседям. Тощая дама бальзаковского возраста, открывшая им дверь, долго изучала удостоверение Турецкого.

– Вообще-то это безобразие, – заметила она, – сколько раз милицию вызывали. Придут, узнают, чья это квартира, и улепетывают, поджав хвосты. И совершенно никаких мер. Понимаете, никаких! Можно подумать, английская королева здесь живет.

– Меры примем, – пообещал Турецкий, – причем немедленно. Позвонить позвольте?

– Вы мне зубы не заговаривайте, – вдруг возмутилась дама, – я вашу фамилию запомнила, буду жаловаться прямо генеральному прокурору. Приличный дом в бордель превратили, в притон, можно сказать. Люди из квартир выходить боятся, соседей с первого этажа недавно ограбили. Наверняка эти волосатые, а милиция вся раскуплена. Они деньги зарабатывают, а не порядок охраняют. Мы всем подъездом письмо писали лично мэру, из канцелярии пришел ответ: жалоба направлена для рассмотрения в РУВД. Поняли? Ничего, мы и до Белого дома дойдем, в газеты писать будем...

Турецкий протолкался к телефону и вызвал наряд из ближайшего отделения.

А дама продолжала разоряться:

– Дверь железную поставили с домофоном. Домофон

свинтили, продали, замок свинтили, продали, журналы из почтовых ящиков воруют, весь дом вонюю их отвратительной провонял...

– Простите, как ваше имя-отчество? – прервал Турецкий ее бесконечную тираду.

– Анна Львовна.

– Анна Львовна, когда вы в последний раз видели Евгения Промыслова?

– Двадцатого июня, я уже его матери рассказывала. – Дама жестом попросила сыщиков оставаться у порога, а сама удалилась в комнату и вернулась с зажженной сигаретой и пепельницей. – Бедная женщина, за что ей такое наказание...

– Вы столкнулись в подъезде?

– Где же нам было еще столкнуться? К себе я этого бандита на порог не пущу и к нему заходить также не имею ни малейшего желания.

– Он был один, спускался или поднимался, в какое время? – встрял Денис.

– Около девяти вечера, спускался с каким-то вполне прилично одетым молодым человеком, явно не из этих его друзей-наркоманов. Я, когда входила в подъезд, заметила у тротуара машину «скорой помощи», а после – Промыслова и решила, что его наконец-то забирают в психиатрию. Думала, хоть немного проживем спокойно.

– Но как его сажали в машину, вы не видели?

– Нет.

– И вообще, его ли ждала «скорая», не знаете?

– Думаю, его... Хотя тогда меня тоже смутило, что санитар без халата и Промыслов идет совершенно добровольно... – неуверенно сообщила дама.

На площадку, тяжело топая шнурованными ботинками, избежали семеро омоновцев во главе с капитаном.

– А это квартира вице-премьера Промыслова, – ехидно сообщила омоновцам Анна Львовна – и уже Турецкому: – Смотрите, сейчас покрутятся, покрутятся – и уберутся ни с чем. Это я вам обещаю.

– Не уберутся, – заверил ее Турецкий.

Он предъявил капитану свое удостоверение и проводил в Жекину квартиру. Там за последние десять минут ничего не изменилось: музыканты продолжали наяривать тибетские напевы, Зая балдела на полу в кухне. Бравые потные блюстители порядка за руки, за ноги поднимали вялых хиппарей и сносили в лифт.

– Подержите их до утра в отделении, пусть проспят, мне нужно их допросить, – попросил Турецкий капитана, – а квартиру я опечатаю.

Омоновцы забрали также инструменты и пакет с травой.

– До утра подержим, но дольше не обещаю – арестовывать их не за что, на учете они и так состоят и у большинства богатые родители, любой штраф заплатят.

– Как это – не за что? – удивился Турецкий. – А хранение наркотиков? Проникновение в чужую квартиру, хули-

ганство? Или эти статьи уже отменили?!

– Может, мне им еще по паре пакетиков героина по карманам рассовать, чтобы пошли за распространение?! – усмехнулся капитан.

– Не понял?

– А чего тут понимать. До утра посидят, а там хотите – себе забирайте.

К Турецкому, опечатывавшему дверь, быстрыми мелкими шагами приблизилась Анна Львовна и взялась энергично трясти ему руку.

– Я потрясена! Вы единственный честный человек среди всего продажного милицейского сброда. Я лично буду наблюдать за квартирой, и если эта шпана снова появится, буду звонить прямо вам.

– Анна Львовна, а насчет «скорой», – Турецкий с трудом освободил ладонь из цепкой хватки впечатлительной дамы, – вы ничего больше не припомните? Возможно, еще кто-то из соседей видел, как увозили Промыслова?

Она энергично затрясла головой:

– Не знаю. С соседями я об этом не говорила, но после ухода Евгения в квартире оставался его дружок, он так отвратительно свистел на своей дудке, что я просто не могла этого не услышать. Так вот, этот тип регулярно побирается в подземном переходе у цирка. Так свистит, мерзавец, что люди согласны отдать последние деньги, только бы замолчал.

– Как он выглядит?

– Бородатый, с лысиной на макушке и засаленным хвостом, ему, наверное, около сорока. Совершенно аморальный тип...

– Спасибо, Анна Львовна, вы нам очень помогли. – Турецкий поспешил ретироваться, увлекая за собой Дениса...

– Слушай, а что они из сгущенки варят? – спросил он, когда они наконец выбрались на улицу. После зловонной атмосферы Жекиной квартиры и подъезда на улице был просто рай.

– Молоко варят, – ответил Денис.

– Шутишь?

– Нет, замечательное средство. На банку сгущенки стакан воды и пару килограммов свежей конопли, варить около часа, подбрасывая траву по мере уваривания, а потом отжать получившуюся кашу через плотную хэбэшку. От пары глотков эффект почище, чем от хорошего заборного косяка. Ровно через сорок пять минут улетаешь часа на два-три, и главное – никакого запаха, кроме того, конечно, который в квартире.

– Ты сам-то пробовал когда-нибудь?

– По молодости, – смутился Денис. – Траву пару раз курил.

– По молодости, – скривился Турецкий. – Тоже мне, старый хрыч выискался. Ну и как, понравилось?

– Нет, ощущения жуткие. Народ говорит, музыка оживает, бродишь среди звуков, а они как цветные макароны во-

круг тебя переплетаются или летаешь как бы среди ангелов. Но это у позитивных травников, раскрывшихся. Меня же «демоны» все время мучили, идешь и всего боишься, дорогу перейти – страшно, машина там в километре фарами мигает, а страшно, отбегаешь под дом, ждешь, пока просвистит мимо, а вокруг тени какие-то, того и гляди, растащат на кусочки, сердце колотится, по ступенькам поднимаешься часами. Короче, мерзость сплошная...

В подземном переходе было прохладно, и был жуткий сквозняк, а парня с бородой, хвостом, лысиной и дудочкой не было. Но здешние завсегдатаи, продавцы книг и плакатов, объяснили, что Нинзя – так, оказывается, звали искомого субъекта – приходит попозже и имеет смысл подождать.

Решили, что ждать лучше в кафе с пивом, а когда вернулись через полчаса, Нинзя уже был на месте и, разложив на земле старый рюкзак, в который, очевидно, полагалось бросать деньги, довольно прилично выводил на деревянной флейте «Елоу субмарин».

– Знаешь его? – спросил Денис, дождавшись конца мелодии и протягивая Нинзе фотографию Промыслова-младшего.

– Монетку брось, – предложил тот.

Денис уронил на рюкзак десюлик.

– А теперь знаешь?

– Это Менделеев. Погремуха такая, флэт у него тут.

– А сейчас он где?

– У Вовика, наверно. Давно его не видел.

– А мужика, с которым он двадцатого числа прошлого месяца уходил из своей квартиры, помнишь? – спросил Турецкий. – Ты там оставался.

Нинзя наморщил лоб и зашевелил губами, изображая бурную работу мысли, и, чтобы ее ускорить, Денис бросил на рюкзак еще две двухрублевые монеты.

– Не, брат, не помню, – виновато пожал плечами Нинзя, – под кайфом был. Я это часто, под кайфом.

Выяснив адрес Вовика, сыщики снова выбрались в жару.

– Не там ищем, Денис, – констатировал Турецкий, – это не те люди. Промыслов сидел на тяжелых наркотиках, кололся. А эти просто панки, шпана – принципиально иной круг. Ты обратил внимание – вены у всех чистые: и у тех, в квартире, и у этого Нинзи. Они нас будут футболить от одной тусовки к другой, а толку – ноль.

– Вижу, – согласился Денис, – на серьезные притоны они нас не выведут.

– Значит, так, ты давай проверь лечебницы, диспансеры, места, в которых лечился или мог лечиться Промыслов, а я займусь этой «скорой помощью». Вечером мы с твоим дядюшкой запланировали у меня дома тихий мальчишник, так что заходи с отчетом.

Турецкий просидел у себя в кабинете почти до девяти вечера, удерживали его на работе по преимуществу не дела, а наличие кондиционера. И слоняться по собственной пустой квартире – пренеприятнейшее занятие. Дома тихо и жутко, как в мертвом городе. В результате, когда он добрался до своего жилища, под дверью уже торчал Грязнов и терзал звонок.

– Скажи спасибо, что я культурный человек, – сказал злой и потный Славка. – В следующий раз буду из пистолета замок открывать. Или группу захвата приглашу.

– Лучше пожарную команду. Тогда не придется подниматься на лифте, подадут прямо на кухню через балкон.

Несмотря на поздний час, жара и не думала спадать. Турецкий распахнул настежь все окна, но от этого стало только хуже: воздух на улице за день накалился, и асфальт во дворе, и вообще вся Москва. Вдобавок пацаны подпалили где-то поблизости несколько шин, вонь и копоть стояла по всей Фрунзенской набережной.

Турецкий с Грязновым разделись до трусов. Бутылку коньяка на пять минут поставили в морозилку, изъяли оттуда миску со льдом и направили на нее все вентиляторы в доме (три штуки), а принесенных Грязновым цыплят кинули на сковородку разогреваться. Атмосфера стала частично при-

годной для жизни.

– Есть оригинальный тост, – объявил Грязнов, доставая из морозилки коньяк. – За идиллию!

– За отсутствующих здесь дам! – поддержал Турецкий.

Но настоящей идиллии не получилось. Именно из-за отсутствия дам. К тому моменту, когда цыплята окончательно обуглились, сыщики поглотили не более трети бутылки. Без всякого энтузиазма.

– Сашка, надо пригласить Старухину, – в задумчивости произнес Грязнов. – Шутка.

– Согласен. Шутка.

– Зря шутишь – не улавливаешь сути момента. Еще через двести граммов с тебя начнет спадать маска «важняка», и после этого она, как великая физиономистка, все прочтет на твоём лице, тебе даже говорить ничего не придется.

– Она не согласится, – вздохнул Турецкий. – Твоих волосатых ног испугается. Давай лучше Клаву Шиффер пригласим. Может, она цыплят лучше тебя разогревать умеет.

Потом они обсудили более реальные кандидатуры, и Грязнов принялся звонить. А еще через пятнадцать минут раздался звонок в дверь.

– Открывай ты! – Турецкий подскочил и вприпрыжку помчался за брюками. До того успех Славкиной затеи казался столь же сомнительным, как в случае со Старухиной и Клавой Шиффер.

Турецкий принял парадный вид, тщательно оглядел себя

и с замиранием сердца проследовал на кухню.

– Добрый вечер, Сан Борисыч! – Это был Денис.

Грязнов-старший недовольно стаскивал штаны. Турецкий последовал его примеру. Потом подал Денису стопку, но он отказался.

– Жарко, я пивка принес. – Он указал на холодильник с неплотно прикрытой дверцей.

Внутри оказалось два ящика «Амстела». В этом просматривалось какое-то скрытое неуважение к его, А. Б. Турецкого, персоне, но в чем именно оно состоит, он так и не смог сформулировать для себя. Возможно, в том, что пришел Денис, а не Старухина.

Денис открыл себе бутылку пива, взглядом поискал стакан, не нашел – пришлось удовольствоваться чашкой. Турецкий наблюдал за ним с ехидцей и, все еще непонятно на что обиженный, не сказал, что стаканы в гостиной в серванте.

А Денису и из чашки оказалось вполне удобно.

– Сан Борисыч, – он осушил полбутылки и, блаженно растянувшись на стуле, закурил, – тут одна интересность обнаружилась: наш Жека совсем недавно лечился в клинике при НИИ нейрофизиологии и нейропатологии. Выписался он тринадцатого июня, а шестнадцатого руководитель клиники профессор Сахнов был убит.

– И? – осторожно спросил Турецкий.

– Я, конечно, не утверждаю, что это Жека его пришил, но есть повод проверить его последнюю госпитализацию более

подробно.

– О чем это вы, мужики? Мы пиво пить собрались или на производственное совещание? – возмутился Грязнов и, решительно отодвинув бутылки, разлил по стопкам коньяк. – И с каких это пор, герр Турецкий, мой родной племянник на тебя батрачит? Ты что, его на полставки младшего прокурора оформил?

Турецкий слегка разомлел и вдруг понял, что дамы в такую жару были бы внапряг, и даже хорошо, что их нет. И на Дениса он зря обижался.

– Не-а, Слава, я ему такого клиента нашел! Целый вице-премьер, большой человек, а главное – не стеснен в средствах. Кстати, пиво, Денис, тоже включи ему в счет, в качестве расходов на форс-мажорные обстоятельства.

– И по две бутылки коньяка в день, – добавил Грязнов. – Вернее, в сутки.

– Коньяк, Слава, придется квалифицированно отрабатывать, – заметил Турецкий.

– А я что, я разве против? Все равно у вас без меня ни хрена не выйдет, а так – лишний стимул к конструктивному сотрудничеству. Чего там стряслось у вашего вице-преьера, жена, что ли, к нефтяному магнату ушла?

– Он у нас сам магнат, – откликнулся Турецкий, – курирует энергетические отрасли, а ушел от него сын.

– С магната можно и по четыре бутылки потребовать, – прикинул Грязнов, – а то и по пять. Будем создавать страте-

гический запас на зиму. Ладно, быстро излагайте, чего нужно, и на том о работе закончим.

– Ты про этого профессора что-нибудь знаешь? – лениво спросил Турецкий. – Как его там...

– Сахнов, – подсказал Денис.

– А это разве не твое дело? – удивился Грязнов. – Я думал, у вас в Генпрокуратуре только ты один и работаешь...

– А это мы расследуем?

– Ну.

– Значит, еще кто-то работает, – вздохнул Турецкий.

– Сахнов ваш на машине разбился, а потом у него дырку в голове нашли. Я, собственно, особенно не в курсе. Но если нужно, могу поговорить...

Турецкий снова вздохнул:

– Ладно, я сам.

– Дядь Слава, нужно нашего пропавшего Промыслова по сводкам проверить: ДТП, неопознанные трупы или, может, он вообще в розыске числится.

С утра Турецкий поехал навестить хиппарей с промысловской квартиры.

Они уже проспались, и все, кроме Заи, способны были воспринимать окружающее вполне адекватно. Промыслова по фотографии опознали трое из пяти парней, но никто из них понятия не имел о его нынешнем местонахождении. Двадцатого июня, когда в последний раз Жека появлялся на своей квартире, они всей компанией были в Крыму, о чем заявили единодушно, и даже взялись расписывать Турецкому прелести пеших походов по южному берегу. С Сарыча на Балаклаву. И обратно. А потом...

Турецкий переписал их координаты, хотя был почти уверен, что пользы от этого мало. Можно, конечно, проверить, действительно ли они были в Крыму или врут, но это уже в крайнем случае. Судя по всему, с Жекой у них мало общего, просто пользовались его квартирой – ничего особенного в этом не было: нерушимое наркоманское братство.

И еще маленький нюанс, который грозил вырасти в огромную проблему. Любители тибетских напевов дружно утверждали, что Жека давно и прочно сидит на героине, что не очень согласуется со словами его папаши, но, возможно, тот не совсем в курсе. Жека мог ему всего и не рассказывать (наркоманы не самый искренний народ), а какова рыночная

стоимость дозы колес или опиума и почему сын просил больше денег, Промыслов-старший наверняка не уточнял.

По поводу убийства Сахнова нужно держать военный совет с Меркуловым. Для начала выяснить, кто ведет дело, потом получить доступ к материалам следствия, и, по возможности, без объяснения причин собственной заинтересованности. А без помощи Меркулова тут не обойтись никак.

Меркулов разговаривал по телефону. Точнее, слушал с утомленным видом. Должно быть, высокое начальство.

– Давай, что там у тебя, – сказал он, прикрыв трубку ладонью.

– Я хочу ознакомиться с делом об убийстве директора клиники, где лечился наш пропавший.

Турецкий не успел изложить свои соображения, Меркулов кивнул и, продолжая внимать начальству, набрал номер на другом аппарате:

– Алексей Геннадиевич? Сейчас к тебе подойдет Александр Борисович Турецкий, он занимается одним из пациентов Сахнова, введешь его в курс дела.

– Что за Алексей Геннадиевич? – вполголоса поинтересовался Турецкий.

– Азаров. – Меркулов хотел что-то добавить, но по телефону от него, похоже, потребовали отчета. – Все необходимые меры... – Меркулова опять перебили, и он махнул Турецкому рукой, что означало примерно следующее: иди работай и не мешай другим.

С Азаровым Турецкий до сих пор не пересекался. Ему было двадцать восемь или даже двадцать семь лет, тем не менее он уже успел стать «важняком». За какие такие особые заслуги – неизвестно, наверняка чей-то протекже. Никаких слухов и сплетен по этому поводу Турецкий вспомнить так и не смог, сколько ни старался, единственное, что ему удалось восстановить по памяти совершенно отчетливо, – лицо Азарова. Волосы прямые, темные, глаза близко посаженные, лицо вытянутое, нос орлиный, сломанный. И это правильно.

Азаров ждал его в коридоре с толстой папкой под мышкой.

– Александр Борисович? Я Алексей Азаров, добрый день. Давайте пройдем к вам: у меня кондишен барахлит.

Такой поворот Турецкого обрадовал: на своем поле на правах хозяина проще давить авторитетом. Поэтому он молчал, пока не уселся в свое любимое кресло.

– Ну что там у нас есть?

– Сахнов Георгий Емельянович, профессор, директор НИИ нейрофизиологии и невропатологии, ведущий специалист действующего при НИИ наркодиспансера, действительный член Академии медицинских наук Российской Федерации и прочая, и прочая, и прочая. Погиб в результате дорожно-транспортного происшествия при выезде из Москвы по Дмитровскому шоссе шестнадцатого июня около шести часов утра – на большой скорости не справился с управлением.

– Стоп, стоп, стоп. Я что-то не понимаю. Его все-таки уби-

ли или он погиб в результате несчастного случая? Если последнее, тогда при чем здесь Генпрокуратура, с каких это пор мы занимаемся ДТП?!

– Одну минуту, Александр Борисович, я как раз подхожу к сути дела. По данным судмедэкспертизы, Сахнов скончался не от травм, полученных при аварии. К этому моменту он уже был мертв от десяти минут до получаса.

– Замечательно, – пробурчал Турецкий. – От травм при аварии он не скончался. От них он ожил.

Азаров открыл следственное дело на нужной странице и протянул Турецкому. Он быстро пробежал глазами акт экспертизы. Акт не содержал ничего сверх того, о чем только что было сказано. Итак, профессор Сахнов действительно убит. С этим, по крайней мере, разобрались.

Убедившись, что Турецкий прочел заключение судмедэксперта, Азаров продолжил:

– Есть пять (!) очевидцев, все ехали в одной машине, возвращались с дачи.

– Очевидцев чего?

– Непосредственно самой аварии – как он вылетел на обочину и врезался в столб – никто не видел. Свидетели слышали сильный удар и подъехали к месту происшествия меньше чем через минуту. Дальше начинается самое интересное. Пока свидетели вытаскивали тело Сахнова из-под обломков, появились двое сотрудников автоинспекции, очень оперативно: прошло, по разным показаниям, от двух до пяти ми-

нут. Они покрутились вокруг сахновской тачки, якобы вызвали по рации опергруппу, записали фамилии свидетелей происшествия, попросили не расходиться и отчалили. Свидетели прождали еще полчаса, пока не появились еще одни гаишники – на этот раз уже настоящие.

– А первые, значит, больше не светились?

– Нет. Я проверил все зарегистрированные сообщения. Сведения об аварии на Дмитровском шоссе поступили в шесть тридцать две, когда наших виртуальных ментов и след простыл.

Турецкий вздохнул и не почувствовал никакого облегчения.

– Ну хорошо. Меня, собственно, интересует связь между убийством Сахнова и его профессиональной деятельностью. Есть какие-нибудь зацепки, Алексей Геннадиевич?

– Геннадиевича можно опустить. Пока выявлена всего одна связь – зато практически железная. В машине Сахнова обнаружено значительное количество героина. В его квартире во время обыска – и того больше. Недельный запас для всех его хануриков. Я пытался выяснить, что к чему, непосредственно в клинике, но без шума – сами понимаете: уважаемый человек, медицинское светило и все такое прочее. Но там круговая порука, все молчат.

– Молчат как рыбы об лед, – грустно добавил Турецкий.

– Точно так. Можно, конечно, внедрить своего человека, но, во-первых, это бюрократическая волокита, нужно согла-

совывать с УНОН, во-вторых, время упущено. С момента смерти Сахнова схема распространения наркотиков в клинике уже наверняка поменялась.

– А ты уверен, Алексей, что это не подставка? Если кто-то посадил уже мертвого Сахнова в машину и упер его ногу в педаль газа, почему этот кто-то не мог подбросить наркоту в багажник и в квартиру?

Азаров как-то странно посмотрел на Турецкого, словно почувствовал в его словах подвох.

– Вы уже не первый, кто выгораживает Сахнова. У вас, как я понимаю, есть какие-то факты?

– Никого я не выгораживаю, – возразил удивленный Турецкий. – Просто высказываю версию. Вполне допустимую. На тебя что, кто-то давил в связи с этим делом? Костя... Константин Дмитриевич в курсе?

– Я нашел одного бывшего пациента Сахнова. Он... подтвердил, правда при беседе, что наш уважаемый профессор снабжал пациентов наркотиками через доверенных сотрудников. Но официальные показания он давать отказывается – боится. И правильно делает, между нами говоря. Я что-то ничего пока не слышал о существовании российской программы защиты свидетелей. Так что хоть уверенность в причастности Сахнова у меня и есть, но фактов-то нет...

Азаров замолчал, выжидающе глядя на Турецкого, очевидно собираясь теперь услышать его историю. Вопрос о давлении он, между прочим, аккуратно обошел, подумал Ту-

рецкий. Вообще парень – явно не промах. С этим делом ходит наверняка как по минному полю, но до сих пор не подорвался и не наложил в штаны. Но не это сейчас главное. Когда Азаров сказал про бывшего сахновского пациента, у Турецкого затеплилась надежда, почти уверенность.

– Кто этот свидетель? – спросил он, стараясь не показать своей заинтересованности.

– Александр Борисович, – усмехнулся Азаров, – вы прекрасно понимаете.

– Ты мне не доверяешь? – выпалил Турецкий. – Нужно письменное указание от Меркулова?

– Я вам доверяю, Александр Борисович, я же рассказал вам о свидетеле, хотя в материалах по делу вы не найдете о нем ни строчки. Но мне не известны причины вашего интереса, а не зная их, я не могу гарантировать ему безопасность, да и вы сами, скорее всего, тоже. Есть еще и второе «но», которое все и определяет: я сам не знаю его имени.

– ?!

– Он вышел на меня самостоятельно и обещал поддерживать связь более или менее регулярно.

– Твой свидетель – мужчина?

– Я бы сказал, совсем пацан: ему лет двадцать максимум.

Промыслов отпадает. Обидно, подумал Турецкий. Ему тридцать два, и он наркоман, на двадцатилетнего никак не тянет.

– А когда этот тип лечился последний раз?

– По его словам, более года назад, но он может сознательно называть неверные сроки, чтобы я его не вычислил.

– А ты не пытался сфотографировать и предъявить карточку сотрудникам клиники для опознания?

– Нет, конечно, Александр Борисович, это было бы тактически неверно. Он сам на меня вышел и никаких рычагов, чтобы заставить его колоться, у меня нет. Пусть пока играет по своим правилам. Если я его засвечу – всем будет хуже.

Может, подумал Турецкий, Азаров допросил информатора-агента какой-нибудь службы МВД или ФСБ и не может его афишировать? Один черт... После некоторых колебаний Турецкий достал фотографию Промыслова и протянул Азарову:

– Поинтересуйся при встрече, что он о нем знает.

Азаров внимательно рассмотрел снимок:

– Кто это?

– Тоже пациент Сахнова, зовут Евгений. Пока все.

– Хорошо, договорились.

Азаров засобирался.

– погоди, а мотив убийства Сахнова ты установил? – спросил Турецкий.

– Версий несколько. Наиболее вероятные, на мой взгляд, две: либо он не заплатил вовремя поставщикам, либо что-то не поделил с «крышей», – скорее всего, с большими звездами из МВД. Но вы сами понимаете: это только мои предположения, и вообще, дело дохлое. Ладно, Александр Борисо-

вич, я пошел, если что-нибудь выясню про вашего Евгения, сразу сообщу. Все, счастливо.

Темнит коллега, подумал Турецкий, глядя ему вслед. Если Сахнов действительно занимался распространением наркотиков – этого не скрыть от ближайшего окружения, как ни крути. Не может же, в конце концов, лечащий врач не заметить, что его пациент под кайфом. И насчет круговой поруки – тоже туфта, всегда найдется слабое звено в цепи империализма... А Азаров как следователь ведет себя странно, это видно с первого взгляда, хотел бы – поставил бы всех на уши в сахновской клинике. Но не поставил и оправдание нашел – была установка действовать без лишнего шума. Возможно, даже от Кости. Выходит, нашему юному другу указали на его место в истории. И он в целом согласился. А теперь потихоньку что-то там себе разнюхивает в надежде повысить свой статус.

Ползучий борец с мафией, придумал определение Турецкий. Оно ему понравилось, и от этого захотелось поскорее приняться за работу, но для начала выпить пива похолоднее. Потому что опять начиналась жара, и остатки вчерашней амстеловской роскоши нагревались в портфеле.

Расправившись с пивом, Турецкий занялся «скорой помощью», предположительно увозившей Промыслова вечером двадцатого июня.

Но оказалось, что к Промыслову эта «скорая» отношения не имеет: действительно, двадцатого июня в восемь сорок пять вечера был вызов на Цветной бульвар по поводу острых болей в животе. Женщину сорока пяти лет госпитализировали с подозрением на аппендицит, но выяснилось, что это пищевое отравление – дамочка объелась грибами.

Турецкий был искренне разочарован.

Значит, и это дорога в никуда.

Для очистки совести нужно теперь проверить названного Нинзей Вовика, а потом переключаться на нормальных знакомых Промыслова, в смысле ненаркоманов.

Перспектива отпуска стремительно отдалялась. То есть становилась все перспективней и перспективней.

Вовик проживал в классической пятиэтажной хрущобе.

Турецкий с Денисом подъехали к дому со стороны двора. И, не сговариваясь, начали изучать балконы. Ничего экстраординарного на этот раз не обнаружилось – самый большой оригинал на четвертом этаже в крайнем подъезде вывесил флаг ООН. Этажом ниже бабулька-огородница обихаживала грандиозных размеров кабачки.

– Смотрите, Сан Борисыч, чернобыльские овощи.

– Это вьетнамские кабачки, – выказал осведомленность Турецкий. – Вымахивают метра два длиной, а можно, кстати, не дожидаться, понемногу отрезать и трескать. А они тем временем заново отрастают. Единственная проблема: как их опылять. Им нужен специфический вьетнамский кабачковый ночной мотылек, который у нас не водится. А цветут они всего одну ночь, поэтому приходится целую неделю по ночам караулить с кисточкой, чтобы вовремя совершить акт искусственного осеменения.

Денис никак не прокомментировал глубокие сельскохозяйственные познания старшего товарища, чем заслужил молчаливое одобрение. Со вчерашнего дня, после посещения промысловской квартиры, когда выяснилось, что Денис в курсе жизненного цикла травников, а он, Турецкий, нет, «важняк», постоянно чувствовал собственную моральную

устарелость. Он, похоже, отстал от этой самой жизни, причем, как это обычно и бывает, незаметно, но безнадежно.

Поднялись на четвертый этаж. В ту самую квартиру, где на балконе висел ооновский флаг. После этого всякие Кривенковы будут рассказывать, как тяжело выявить наркоманов, подумал Турецкий. Он вытер пот и позвонил в дверь.

В квартире определенно что-то происходило, кто-то чем-то бухал, матерился, включал и выключал воду, но на звонки в дверь упорно не реагировал. Турецкий продолжал настойчиво давить кнопку. Хозяин так же настойчиво его игнорировал.

Денис, несмотря на отменные физические кондиции, а может, и благодаря им, тоже покрылся потом и стал понемногу закипать.

– Загляукался наш Вовик, – предположил он. – Под кайфом, урод, наверное, воображает, что стирает носки или делает генеральную уборку. Я, как назло, пива нахлебался, держусь из последних сил...

Турецкий укоризненно посмотрел на него. Денис немедленно смутился:

– Ну ладно, дайте, что ли, ногой попробую.

Турецкий посторонился, освобождая Денису оперативный простор. В это время из-за двери грохнул выстрел, через полсекунды еще один. Стреляли, наверное, из дробовика, картечью, в двери на уровне пояса образовались два отверстия с рваными краями, как раз напротив того места, где

только что стоял Турецкий и куда намеревался заехать ногой Денис. Не дожидаясь, пока Вовик, или кто там еще, перезарядит свою берданку, Денис сделал то, что собирался, – что есть силы ударил ногой повыше замка. Дверь у Вовика, как и весь дом, была стандартная хрущевская – хилая, открывающаяся вовнутрь, но первый натиск выдержала.

Пока Денис примерялся, как бы приложиться еще сильнее, рискуя получить очередной заряд картечи в живот, Турецкий вытащил захваченный на всякий случай «макаров» и всадил три пули в замок.

Одновременно с Денисом они вломились в узкий коридор, ружье лежало на полу, – видимо, боеприпасы кончились. Истерзанную входную дверь тут же захлопнуло сквозняком.

– На балкон! – скомандовал Турецкий, первым сообразивший, откуда ветер дует.

Балконная дверь была распахнута, и некто медленно переваливался через перила головой вниз, они видели только его ноги, готовые оторваться от земли. Денис юркнул в проход раньше Турецкого и успел поймать неизвестного уже в полете. Человек, похоже, не обрадовался чудесному спасению и начал извиваться, пытаясь вырваться из Денисовых объятий. Турецкий сорвал бельевую веревку и несколько раз обмотал ею падальщику ноги, закрепил конец за перила и, обеспечив таким образом страховку, стал помогать Денису его вытаскивать.

Но парень, вопящий не своим голосом и, по-видимому, совершенно обалдевший, ухитрился дернуться с такой силой, что едва не увлек за собой Дениса вместе с Турецким. Под их весом металлическую решетку выворотило с корнем из бетонного основания. Турецкий, стоявший на полшага дальше от края, сумел ухватить Дениса за брюки, и только благодаря этому Грязнов-младший не сорвался вниз. Третий участник событий, привязанный за ноги бельевой веревкой к завалившейся на пол и держащейся на честном слове балконной ограде, продолжал извиваться, как червь-бодрячок на крючке.

Денис, став на колени, опять поймал его за щиколотки и потянул наверх. Но он вцепился мертвой хваткой сумасшедшего в арматуру, наваренную этажом ниже, служившую несущей для гигантских кабачков.

Турецкий попытался помочь – безрезультатно. Тут он увидел, что бабулька-огородница, до сих пор с интересом наблюдавшая за всеми перипетиями борьбы, почуяв прямую угрозу своим зеленым насаждениям, заорала:

– Сгинь! Сгинь! Да что же это творится такое?!

– Держи! – приказал Турецкий Денису, видя, что их усилия напрасны. – Сейчас снизу подам. – И гаркнул на бабульку, которая продолжала причитать: – Бегом, мамаша, открой мне!

Когда он сбежал на третий этаж, дверь была заперта. Турецкий забарабанил кулаком:

– Скорее, бабка, сейчас сорвется!

– А ты кто такой? – спросила она изнутри недоверчиво. Глазка в двери не было, цепочки, наверное, тоже.

– Служба спасения на крышах!!! Открывай, а то стрелять буду!!!

Дверь слегка приотворилась. Турецкий толкнул ее плечом, едва не завалив пожилую женщину, и рванул на балкон. Слава богу, жилец с четвертого этажа все еще болтался на прежнем месте. Турецкий встал на табуретку и от души огрел его рукояткой пистолета по затылку. Висящий вниз головой сразу обмяк. Турецкий дрожащими от волнения руками расцепил судорожную хватку, которой ненормальный впился в металлические прутья, при этом ободрал в кровь пальцы – и махнул Денису:

– Вира!

Турецкий поднялся наверх и оглядел поле после битвы. Насильно спасенный гражданин корчился в судорогах на диване.

Денис закрыл дверь на балкон – от греха подальше, и правильно, подумал Турецкий: выпорхнет – опять его лови, делать больше нечего.

– Вовик? – спросил Турецкий, усаживаясь на стул рядом с диваном.

Гражданин поднял на него глаза. Вполне, кстати, осмысленные, удивленно отметил Турецкий, учитывая его предыдущие ужимки и прыжки.

– А в-н-н-ы-ы-н?

– Мы кто? – догадался Турецкий. – Мы – следовательно по особо важным делам Генеральной прокуратуры Турецкий Александр Борисович. – Он подсунул удостоверение под самый нос лежащему.

– Вовик, – как ни в чем не бывало сказал Вовик и принял сидячее положение. – Надо бы чайку сварганить.

Он стек на пол и начал шарить под диваном. Денис на всякий случай поднялся и изготовился к отражению внезапного нападения. Но Вовик вел себя мирно: из-под дивана он извлек кистевой эспандер, размял руки и потащился на кухню заваривать чай. Денис последовал за ним и, обернувшись к Турецкому, покрутил пальцем у виска.

С чайником Вовик кое-как управился, даже налил себе и гостям, но выпить не успел: его опять скрутило и он осел вдоль стены, выплеснув стакан кипятка себе на грудь и, похоже, не почувствовал этого.

Денис и Турецкий молча наблюдали за ним в течение трех-четырех минут, пока он попеременно рычал и скулил. Вовик пришел в себя так же неожиданно, как и вырубился, и принялся извиняться:

– Сахара нет – рассыпал. Сгущенки хотите?

– А, сгущенки... – улыбнулся Денис понимающе. – Травник?

– Торчал по малолетству. – Вовик закатал штанину по колену и продемонстрировал исколотые вены на щиколотке. –

Соскакиваю. Четвертый день пошел. Или третий... Не помню, ломает-по черному.

– Зачем стрелял? – поинтересовался Турецкий. – Ждал кого-нибудь?

– Стрелял?

– Да, стрелял.

Вовик не ответил.

– Ждал кого-нибудь? – переспросил Турецкий и принялся тормозить хозяина квартиры, который, похоже, решил впасть в прострацию. – Боялся того, кого ждал? – подсказал он, не слишком, впрочем, надеясь на успех.

– Шиза, – наконец выдавил Вовик.

– А прыгал с балкона зачем?

– С балкона? – туповато переспросил Вовик. – А... Ну я же говорю: шиза. Ши-за, запаморочение нашло. Я даже специально замок на двери заклинил, чтобы нельзя выйти было. И чтобы войти никто не мог. Иначе в первый же день не удержался бы.

Он отобрал чай у Дениса и проглотил залпом.

– На кой я сдался Генпрокуратуре?

– Мы разыскиваем Евгения Промыслова, Жеку короче. Все подряд отсылают к тебе: Вовик, мол, точно в курсе, – слегка приврал Турецкий. – Так что давай колись по-быстрому, и мы пойдем, даже дверь обратно заколотим, раз уж замок сломали.

Ни слова не говоря, Вовик, шатаясь, направился в спаль-

ню, обессиленно рухнул на кровать и вдруг неожиданно выхватил из-под подушки помятую тетрадь и попытался разорвать зубами. Турецкий, внимательно фиксируя его телодвижения, тут же ударил его ребром ладони по шее. Вовик отключился и выронил тетрадь.

Они подождали еще немного, пока он не придет в себя, но Вовик больше разговаривать не хотел, его начал колотить озноб, и Турецкий решил на время оставить его в покое. В кладовке они с Денисом нашли две подходящие доски, инструмент и еще около получаса провозились, заколачивая дверь накрест снаружи.

– Обратите внимание, Сан Борисыч, – сказал Денис, проверяя конструкцию на прочность, – за время нашего визита, невзирая на многочисленные шумовые эффекты, ни одна живая душа не поинтересовалась, что происходит, я уж не говорю, вызвала милицию.

– И правильно, в задницу милицию, – удовлетворенно ответил Турецкий.

Денис, само собой, не возражал.

– Нужно будет наведаться к нему, – заметил Турецкий, когда они вышли из Вовикова подъезда, – а то еще с голоду помрет, мы же будем виноваты, дверь заколотили.

– Не помрет, у него сухари имеются и сгущенка, – засмеялся Денис, – я проверил. А захочет разнообразия – срежет сантиметров двадцать кабачков с нижнего балкона. К тому же в ломку есть не хочется.

– И все же надо, чтобы из МУРа прислали человека, пусть хоть пару раз в сутки навещается, под дверь послушает, чтобы он там суицидом не кончил. Промыслов расходы оплачивает, так что на людей не скупись.

– Да не скуплюсь я, дядь Саша! У меня три человека по притонам работают, но пока результатов ноль целых ноль десятых. Промыслов там не появлялся ни после исчезновения, ни вообще. А еще двое клиники проверяют. Вы, кстати, куда сейчас?

– Мне эти наркоши надоели до смерти, – признался Турецкий. – Нужно сменить обстановку и пообщаться с нормальными людьми. И как раз один такой нормальный ждет меня сегодня в час у себя в офисе.

Мятую общую тетрадь с выпадающими страницами, отобранную у Вовика, Турецкий спрятал в портфель. Бегло пролистав, он не понял, как она связана с Промысловым-младшим, а читать было некогда. Ничего, решил он, вечером, за чашечкой кофе или баночкой пива...

Дмитрий Коржевский, друг Жеки со студенческих времен, торговал красками.

И лаками. И прочими товарами для строительства и ремонта производства Израиля и Турции. Его офис на Пресне с фасада был разукрашен во все цвета радуги и своим видом лишний раз рекламировал высокое качество предлагаемой продукции, поскольку, не в пример соседним домам, не выглядел облупленным.

На первом этаже располагался магазин с многочисленными продавцами, облаченными в костюмы (бедные люди, в такую-то жару), при галстуках и с бейджами на лацкане. Продавцы торчали каждый у своего стенда и готовы были по первому требованию выдать любую интересующую покупателя информацию. Турецкий оказался в некотором замешательстве, соображая, где именно искать Коржевского, а к нему уже спешила ослепительная брюнетка в столь же строгом и столь же теплом, как и у продавцов мужского пола, костюме, с неизменной бейджей и дежурной, но довольно лучезарной улыбкой:

– В нашем магазине самый широкий выбор красок для дома, офиса, дачного участка...

– Мне нужен господин Коржевский, – прервал брюнетку Турецкий.

При слове «Коржевский» ее улыбка стала еще шире и еще лучезарнее.

– Второй этаж. – Она широким жестом указала куда-то в глубь помещения и унеслась еще к одному незадачливому покупателю, нерешительно топтавшемуся у порога.

По винтовой лестнице Турецкий поднялся на второй этаж, где был встречен столь же ослепительной секретаршей, которая без лишних расспросов проводила его в кабинет шефа.

Дмитрий Коржевский без пиджака и в рубашке с закатанными рукавами метался по кабинету, размахивая теннисной ракеткой. Чуть не сбив Турецкого с ног, он в высоком прыжке нанес легкий удар – и зеленый попугайчик шлепнулся на ковер лапками вверх. Коржевский осторожно перенес его в клетку.

– Акселераты, – пожаловался он Турецкому, протягивая руку для приветствия, – научились клювами дверцу открывать.

Второй беглец голубовато-сиреневого цвета уселся на хрустальной люстре и косил в сторону хозяина, интересуясь, станет тот лупить по дорогому хрусталу или нет. Коржевский не стал, но ракетку держал под рукой и в клетку насыпал орешков в надежде, что попугайчик прельстится и покинет свое убежище.

Секретарша, очевидно по заведенному здесь этикету, внесла поднос с запотевшими баночками пепси и постави-

ла на стол шефа. Отдельного столика для частных бесед у окна с удобными креслами в кабинете Коржевского не было. Да и вообще, за исключением хрустальной люстры обстановка выглядела спартанской: светло-бежевые стены, разумеется выкрашенные той же тамбуровской краской, шкаф с папками, на котором стояла клетка с блудными попугаями, письменный стол без всяких новомодных канцелярских прибабасов и довольно жесткие стулья.

– Я так понимаю, Женька не нашелся? – спросил Коржевский, открывая пепси и жестом предлагая Турецкому последовать его примеру.

– Иначе бы я к вам не приехал, – резонно ответил «важнюк». – Кстати, а когда именно вы в последний раз видели Промыслова?

– Восемнадцатого или девятнадцатого числа. Боюсь, что точно не припомню. Я тут недалеко, на платной стоянке, парковал машину, и вдруг он подошел. Вам, наверное, нужны подробности?

– Конечно. – Турецкий медленно посасывал сладкую пепси, от которой еще больше хотелось пить.

– А подробности довольно стандартного рода. Как обычно. Он попросил у меня денег. Двести долларов, обещал отдать на следующей неделе. Выглядел Женька отвратительно: небритый, грязный. Хотите сигару? – Коржевский подвинул к Турецкому коробку. – Партнеры презентовали, настоящие голландские. А я не курю вообще, бросил, так что теперь уго-

щаю гостей.

Турецкий отказался и закурил привычный организму «Кэмел». Почему-то сигары у него ассоциировались со знойной Кубой и еще более знойной Латинской Америкой, а «Кэмел», несмотря на одnogорбого верблюда и пустыню, а значит, еще более знойную Африку, ни с чем не ассоциировался. Что в такую погоду было очень кстати.

– Ну и что – дали вы ему денег?

– Нет. То есть дал, конечно, но только пятьдесят, больше у меня с собой не было. Он собирался зайти в конце дня или на следующий день, но так и не появился.

– И не звонил?

– И не звонил, и, предвеляя ваш следующий вопрос, где он может быть сейчас, не знаю.

– А какие-нибудь общие знакомые или там знакомые знакомых?

Коржевский только развел руками:

– Как вам сказать, Александр Борисович. По-моему, таковых не осталось. Грустно, но факт. Собственно, он и со мной отношений почти не поддерживал. Последние пару лет он много кололся, много лечился, потом снова много кололся, ему было не до знакомых. К тому же всем он был должен деньги, а отдавать, естественно, было нечем... Ах ты паршивец! – Коржевский вскочил с места и ринулся к клетке. Там пришедший в чувство зеленый попугайчик молча, стараясь не шуметь, ковырялся клювиком в дверце, пытаясь сбросить

крючок, и, если бы не ободряющее кudahтанье сине-сиреневого собрата с люстры, ему бы это наверняка удалось. Но так Коржевский заметил и вовремя среагировал.

Зеленый, завидев хозяина, хлопнулся на бок и притворился мертвым, а сиреневый взволнованно вспорхнул, звякнув хрустальными сосульками, и, разумеется, был незамедлительно сбит ракеткой. После чего Коржевский замотал дверцу клетки провололочкой и спрятал ракетку в шкаф.

– Чем-то еще могу помочь?

– Само собой, – кивнул Турецкий. – Вы давайте-ка расскажите все, что сможете вспомнить, о Промысловце, а я, возможно, что-нибудь из этого и выжму.

Коржевский откупорил еще одну баночку пепси.

– Познакомились мы в колхозе. На первом курсе нас сразу же отправили в колхоз на морковку. Жили в каком-то пионерлагере, на поле нас возили автобусами, а после ужина, часов в девять, зачем-то вырубали свет, и народ вечерами палил костры и по очереди рассказывал всякие страшные истории. Так вот Женькина коронная история, которая буквально покорила всех, была про то, как его в детстве похищали инопланетяне. Причем тогда еще никто никаких «Секретных материалов» не смотрел, так что, понятное дело, все были в восторге и многие, как ни странно, ему верили. А когда он сказал, что у него на правом бедре после посещения летающей тарелки осталось родимое пятно, на котором эта летающая тарелка изображена хоть и схематически, но

очень похоже, такое началось! Наши женщины писались в очередь, чтобы в интимной обстановке поближе рассмотреть заветное пятнышко. Короче, Женька был центром тамошней вселенной.

– И вы тоже интересовались инопланетным разумом? – спросил Турецкий, чтобы спросить что-нибудь.

– Нет, со мной он сошелся вначале на почве любви к меду. В соседнем селе, совсем недалеко от нашего лагеря, была пасека, и мы по ночам бегали воровать мед. Весь первый курс Женька проторчал в каких-то СТЭМах, КВНах и прочей самодеятельности, еще был комсомольским активистом, оформлял какие-то газеты, устраивал какие-то товарищеские суды и антиимпериалистические акции и при этом еще нормально учился. А у меня, во-первых, талантов особых не было, разве что бегал я неплохо, а во-вторых, учиться оказалось довольно трудно. Как, вы еще не засыпаете?

– Да нет пока, – откликнулся Турецкий, хотя на самом деле уже откровенно «кунял».

– Сами же просили все подряд.

– Конечно, конечно, я слушаю.

– Перехожу к новейшей истории. Я отслужил в армии, Женьку не взяли, что-то у него было с легкими. Когда я восстановился в институте, Промыслов меня сам нашел и предложил познакомиться с классными ребятами. Как оказалось, классные ребята были наркоманами. Глотали таблетки из противорадиационной аптечки, кажется, «торен» называ-

ются или «тарен», не помню. И Женька уже довольно основательно подсел. Вот, собственно, и все.

– То есть как все?!

– Да так. Я честно пытался его отвадить, но безрезультатно. Мать его все мне звонила: вы же с Женей друзья, нужно мальчика спасать. – Коржевский смял рукой пустую банку из-под пепси. – А что, папаша его уже всю прокуратуру купил или вы в свободное от работы время, в порядке личного одолжения, поисками занимаетесь?

Турецкий подумал, что вопрос, конечно, интересный.

– Возбуждено уголовное дело по факту похищения человека – статья сто двадцать шестая Уголовного кодекса... А после института вы, значит, совсем разбежались?

– Почему же. Встречались раз в несколько месяцев. Он меня еще раз пытался в наркоманы записать. Но к тому времени он уже стал героинщиком и поволок меня в натуральный притон. На квартиру какого-то Вовика или Вовчика. Который был еще и гомосексуалистом. Милая компания.

– А Промыслов?

– Что?

– Промыслов тоже был гомосексуалистом?

– Н-не знаю. Вам бы поговорить с этим Вовиком, если он, конечно, еще жив. Я слышал, редко кто из героиновых наркоманов доживает до тридцати. Женька вот – исключение, возможно, и этот Вовик еще держится. Если хотите, я даже, пожалуй, вспомню, как его найти...

– Спасибо, я уже поговорил.

– Да? – удивился Коржевский. – И что, он тоже не в курсе, где Промыслов?

– Нет. – Турецкий поднялся. – А попугайчиков вам не жалко?

Коржевский расхохотался:

– Зря вы за них беспокоитесь. Я же не изверг, по ночам они летают где хотят и неизменно возвращаются в клетку. А среди бела дня гадить людям на головы, это уж увольте.

И как бы в подтверждение его правоты сине-сиреневый выгнул шею и заорал:

– Митя хороший! Хороший!

– Если что-нибудь стоящее вспомню или узнаю – обязательно сообщу. – Коржевский решительно протянул руку, прощаясь.

Вечером позвонил Грязнов-старший и сообщил, что, по предварительным данным, в ориентировках за последний месяц пропавший Промыслов или хотя бы личность с похожими приметами не значится. Неопознанных трупов, опять же соответствующих описанию, по Москве нет. Теперь нужно проверить область, но на это понадобится время.

Еще Вячеслав Иванович выдал резонную версию, что Жеку Промыслова могли задержать, например, за хулиганство или за хранение наркотиков и, вполне возможно, он парится где-нибудь в изоляторе временного содержания, фамилию же Промыслов назвал вымышленную или вообще не назвал. И пока там установят личность, пройдет от суток до десяти, если вообще установят. Кстати, Промыслов, как это ни странно, ранее не привлекался, так что отпечатков его в картотеке нет.

Безмазняк, подвел неутешительные итоги первых двух дней работы Турецкий, что в переводе с жаргона хиппи значит бесперспективно, безрезультатно и глухо как в танке. Хорошо бы, эта общая тетрабочка с выпадающими страницами оказалась книгой жизни нашего Жеки, чтобы там были прописаны не только дела его прошлые, но и ближайшие планы. Турецкий забросил тетрадь в верхний ящик стола и зачем-то запер его на ключ. Подумал было, что это глупо,

что надо бы отпереть, но поленился.

Несколько раз потом в течение дня Турецкий приступал к чтению – открывал на первой попавшейся странице и находил до боли знакомые слова «наркоман», «героин», «наркотики», но каждый раз что-то мешало вчитаться основательно. Во-первых, звонил папа Промыслов, интересовался процессом поисков Промыслова-сына, все еще не веря в то, что узнает обо всем первым, если, конечно, процесс окажется результативным. Потом Константин Дмитриевич отчета требовал. Хотя, пожалуй, первым все-таки все узнает он, или они узнают одновременно для пущей театральности. Потом пришел Азаров, этот, правда, отчета не требовал, но почитать тоже не дал. Короче, наступил вечер – и Турецкий поехал домой в надежде почитать на сон грядущий.

Сварив большую чашку кофе и перетасив поближе к дивану все необходимое для всенощной: сигареты, пепельницу, две пачки чипсов и две бутылки пива в ведре со льдом (благо Ирина Генриховна не видит этого вандализма, ее бы кондратий на месте хватил), – Турецкий снова перелистал тетрадь и попробовал читать с середины. Но сразу же наткнулся на непонятные сокращения типа СДД, ГП1, БГП-2, АСБ, АББ и прочие, значение которых было непонятным без предыдущего текста, где они, возможно, объяснялись. Пришлось все-таки начинать сначала.

*«...Зелень, зелень, вспомним зелень,
вспомним о полях сожженных,
вспомним об убитых турах,
уничтоженных бизонах,
добрые люди,
о мехах, звериных шкурах...*

Мне было тринадцать. Был июнь, и в Москве было сызко и зябко. Не успела я сдать последний экзамен, как мы уже сидели в самолете, под крылом которого действительно было зеленое море тайги. Мы летели в Иркутск: Мама, Отец, Дед и я. А еще Ожуг – большой и глупый до невозможности ньюфаундленд, которого перед полетом приходилось кормить снотворным, потому что иначе он бы выл и метался по багажному отделению, воображая себя брошенной или потерявшейся Каштанкой. Ожуг – это такая хитрая кличка. Впрочем, Мама говорит, не хитрая, а очень даже поэтичная, мне раньше не слишком нравилось, но я уже давно привыкла.

Мы с Ожугом – ровесники, ему тоже тринадцать, родители завели нас практически одновременно (слава богу, что называли по-разному), и конечно же он от меня без ума, а мне он уже надоел, потому что старый, а так ничему в жизни и не научился. Но это, наверное, не важно, уже завтра мы бу-

дем в тайге, Ожуг уйдет общаться со своими родственниками, медведями, и я наконец от него отдохну.

Я смотрю в иллюминатор и ничего нового там не нахожу. Сколько себя помню, каждый июнь мы вот так летим на восток, а в конце августа – обратно на запад. Как перелетные птицы, как рыбы на нерест, как бабочки... Впервые родители потащили меня с собой, когда мне было всего пять месяцев, но этого я, конечно, не помню. А потом каждую осень друзья расписывали мне прелести отдыха у Черного моря, или у Азовского, или у Балтийского или романтику пионерлагерей, а я с завидным упорством твердила: «А на Байкале лучше!» – хотя была уверена, что хуже, и намного хуже, просто отвратительно.

Пока однажды в четвертом классе не заболела пневмонией как раз перед отлетом, и родители в первый и последний раз в жизни оставили меня на лето в Москве на попечение Бабушки. Пневмония, конечно, мгновенно закончилась, и мы с бабушкой отправились на Кавказ – загорать и реабилитировать здоровье. Оказалось, я была абсолютно права – на Байкале лучше.

Да, так вот, я смотрю в иллюминатор, потом мне надоедает, и я начинаю гипнотизировать Деда. Мама и Папа спят, а Дед читает «Вестник Академии наук». Я сверлю ему взглядом висок минуту, другую, третью. Он поправляет очки, поглаживает седую бородку, снова поправляет очки и, наконец, отрывается от очередной заумной статьи.

– Скучаешь? – Дед откладывает журнал. – Хочешь задачу?

– Хочу.

– Есть голова, нет головы, есть голова, нет головы... Что это? – Дед снова ныряет в журнал, теперь я буду думать.

Задача, конечно, не из легких. Это вам «не зимой и летом одним цветом» или «без окон, без дверей полна горница людей». Такой чепухой мы даже в детстве не баловались. Дед сказал, что народные загадки некорректные, потому что допускают множество решений и общепризнанные отгадки нужно просто запомнить как таблицу умножения. Поэтому загадки для меня Дед всегда придумывал сам. Сейчас я могу задать ему двадцать вопросов, на которые он ответит «да», «нет» или «не знаю», но вопросов должно быть не больше двадцати, поэтому я думаю. Думаю. Еще думаю.

– Оно живое? – наконец выдаю я первый вопрос.

– Да, – отвечает Дед, не отрываясь от чтения.

– Травоядное или плотоядное?

– Да. – Он усмехается, я пыталась его перехитрить, и мне это почти удалось, но я на всякий случай уточняю:

– Не растение?

– Нет.

– Всеядное?

– Да.

Я долго борюсь с искушением потратить еще один вопрос, и все же искушение побеждает:

– Это человек?

– Да, – говорит Дед и напоминает: – Осталось пятнадцать вопросов.

Знаю и потому не тороплюсь. Мы уже подлетаем. Папа довольно потягивается, он у меня любитель поспать, может делать это где угодно: в метро, в машине, тем более в самолете. Мама тоже просыпается, и Ожуг, наверное, тоже, иначе нам придется тащить его на руках, а он тяжелый, как слон.

...Потом мы едем на машине...

...Потом летим на вертолете...

...И наконец, нагруженные как верблюды, бредем пешком по берегу славного моря Байкал. Я тоже тащу поклажу наравне со всеми, и даже Ожуг навьючен палатками. С нами идет Лесник, он покажет нам дорогу, потому что каждое лето мы по плану Деда меняем стоянку, и лет через пятьдесят завершим круг, начатый Дедом тридцать лет назад. У меня на это лето тоже есть свой план, я собираюсь зарыть сокровища (какие, правда, пока не знаю) и начертить карту, а после карту запечатать в бутылку и забросить в озеро.

Папа с Лесником отправляются добывать ужин. У нас, конечно, море консервов, но первый ужин по поводу открытия сезона должен быть с дичью. Папа обещал добыть кабана и изжарить его на вертеле.

А пока они охотятся, мы с Мамой и Дедом обустраиваем походную лабораторию. Если кто еще не догадался, мы приехали сюда совсем даже не отдыхать. Мои родственники, за

исключением, может быть, только Бабушки, вообще никогда не отдыхают, отпуск для них – это просто переезд из московской лаборатории в байкальскую.

Я занимаюсь мышками. Они такие доверчивые и бедные, однажды я даже выпустила их всех в лес, а Дед сказал, что в лесу они все равно погибли, а кроме того, они героические мыши, потому что жертвуют собой для здоровья людей. А я тогда сказала, что эти мыши – Герои Советского Союза. А лучше даже – дважды Герои.

Родители никогда меня не спрашивали, кем я хочу стать, они думают, что и так все ясно. В школе, правда, задают сочинения о будущей профессии, и я всегда пишу: буду химиком или биологом. Только как, интересно, у меня это получится? Хоть убейте, не могу заставить себя разрезать лягушку. А тем более мышь...

Кабана папа действительно убил, вернее, не кабана, а так, подсвинка, но зато прямо в глаз.

Мы разжигаем костер и водружаем, то есть насаживаем, свой ужин на вертел. Уже наступила ночь, от воды тянет холодом, Папа у костра поет про лыжи, которые у печки стоят. У него совершенно нет слуха, и потому он уговаривает Маму подпевать, вернее, это он будет ей подпевать – у Мамы-то слух есть. А Ожуг берется подвывать без приглашения. Мама ругается на Папу и говорит, что он только уродует песню, а Папа говорит, что у него душа ищет выхода, и затягивает «Из-за острова на стрежень...».

Кабан оказался совершенно невкусным и жестким, зато Ожуг обрадовался – ему досталась почти половина. Папа грозит, что завтра поймает гигантскую рыбину и уж из нее всенепременно приготовит новое слово в кулинарии. Мы идем спать, я сплю в палатке с Дедом и на ночь выдаю ему еще порцию вопросов:

– Дед, а головы человеческие?

– Какие головы? – Не сразу соображает он, о чем речь, и смеется, вспомнив о задаче. – Да.

– Ты не имел в виду какого-нибудь колумбийского президента или итальянского премьера, то есть это голова натуральная, не... фигуральная?

– Нет. Спи.

Я засыпаю под звон, издаваемый комарами, желающими отведать вкусного городского тела, еще не задубевшего под байкальским ветром, а когда просыпаюсь, Деда уже нет в палатке, хотя у меня как раз созрел очередной вопрос. Лесник уже ушел. Папа с Мамой в палатке-лаборатории оба в белых халатах.

Я хихикаю. Очень смешно смотреть: у Папы белый халат прямо на плавки, но привычка – великая вещь, он говорит, что без халата чувствует себя не ученым-химиком, а черт знает кем.

Бегу к воде умываться, вода холодная и вкусная. Чем мне особенно не понравилось на море – вода соленая. Дед уже готовит акваланги, сегодня у него первое погружение – два-

дцатиметровая отметка. Дед вылавливает планктон, а потом они всей семьей долго рассматривают что-то под микроскопом и страшно радуются. Мне тоже однажды показали, ничего радостного я там, если честно, не увидела. Но Дед не устает повторять, что эта микроживность спасет мир. А во-все не красота, как утверждали всякие хоть и образованные, но наивные предки.

И еще на сегодня запланирован эксперимент века: водолаз по праву рождения – Ожуг должен стать профессионалом. Дед в Москве заказал для него шлем-скафандр и специальные держатели для кислородных баллонов. Все уверены, что теперь Ожуг сможет нырять на приличную глубину и не на минуту, а на час и больше. Только, по-моему, это все чепуха.

– Дед, он палач?

– Нет.

– А это разные головы?

– Нет. Пойдем завтракать.

Осталось одиннадцать вопросов, но мне кажется, что разгадка уже близка, и, поедая консервированную гречку со свиной, я больше размышляю о том, что, слава богу, не додумались еще консервировать манную кашу.

Наконец настал исторический момент: на голову Ожуга водрузили шлем, почти как у космонавта, проверили герметичность и Папа, сидя в резиновой лодке и призывно размахивая косточкой, предложил псу совершить погружение. Но хитрый Ожуг, проплыв метров десять, развернулся и вы-

брался на берег, лапами пытаюсь стащить с себя мешавшую жить конструкцию. Тогда его погрузили в лодку и отвезли достаточно далеко от берега, а после выбросили в воду.

Мне его даже стало жалко. Что за дурацкая идея: собака не может быть счастливой, если не видела подводного мира. Автором этой идеи, как и многих подобных, разумеется, является Папа, который не оставил Ожуга в покое, а вырядился в утепленный водолазный костюм и притопил-таки несчастное животное. Но к величайшему неудовольствию Папы и бешеной радости собаки, шлем не удалось плотно пригнать по волосатой Ожуговой шее, и он мгновенно заполнился водой. А поскольку изобретать новые прокладки в походных условиях было практически невозможно, не стать Ожугу в этом году аквалангистом.

Пока мы успокаивали переволновавшегося пса и задабривали его копченой колбасой, к нашему лагерю причалила моторка, из которой вылез тип, похожий на итальянского мафиози: с жирными черными, чуть выющимися волосами, тонкими усиками и мясистым носом. Был он безнадежно стар, то есть ему было за пятьдесят. Я его тогда видела в первый и последний раз, а родители поздоровались с ним как со старым, но неприятным знакомым. Мама сказала, что это СДД (Старый Друг Деда). Он был хромым и даже в моторке плавал с толстой суковатой палкой.

Дед ушел с ним далеко за лагерь, и, усевшись на большом камне, они о чем-то спорили. Дед все время качал головой,

а его друг размахивал руками, как будто уговаривал.

Я бродила кругами, держась на расстоянии, но не теряя их из виду. У меня созрели новые вопросы. Вообще-то пора было начинать поиски хорошего места для тайника с сокровищами, но мне не хотелось начинать новое предприятие, не решив задачу. Я даже уже придумала, что положу в тайник, – книжку Стивенсона «Остров сокровищ». И нужно будет еще придумать какие-то приметы вроде скелетов-компасов.

Наконец они закончили и, похоже, договорились, по крайней мере, СДД улыбался и хлопал Деда по плечу. Я отошла подальше, чтобы они не подумали, что я подслушиваю. СДД сел в свою моторку и укатил, а Дед сказал Маме, что он обещал еще приехать.

– Дед, а остальное тело одно и то же? Это не клиника профессора Доуэля? – выдала я животрепещущий вопрос.

– Нет, – ответил Дед быстро, хотя думал он явно совершенно о другом.

– Это нормальный, здоровый человек?

– Нет.

Теперь я почти готова. Мама зовет меня погулять в лес, перед обедом – нагулять аппетит. Мы взбираемся по откосу и бредем среди сосен, в лесу жарко и пахнет медведями. Мне, по крайней мере, кажется, что это именно медведи так пахнут, наверное потому, что медведи любят мед, и пахнет скорее разогретым медом. Мама собирает цветы, я воюю с мухоморами. И тут мы слышим истошный вой Ожуга. Я ис-

пугалась, что на него напал какой-то зверь, но вой несется из лагеря, от самой воды. Мы наперегонки мчимся обратно и кубарем скатываемся с кручи. Папа с Ожугом бегает по берегу, Папа тоже что-то кричит и разбрасывает тапочки, вернее, сбрасывает их и бежит в воду.

Меня пробирает дрожь за него, вода холодная, а Папа никогда не увлекался моржеванием. Он тоже понял, что плыть холодно, и выскочил на берег. Мама, не понимая, что происходит, пытается это выяснить, и Папа говорит, что Дед долго не выныривает, а кислород в баллонах уже должен был закончиться. Резиновая лодка, с которой нырял Дед, болтается в ста метрах от берега, но Деда в ней нет.

Родители резво накачивают вторую лодку.

Папа, на ходу надевая водолазный костюм, гребет к лодке Деда, ныряет.

Мы с Ожугом волнуемся на берегу. Ожуг хоть и водолаз, но сегодняшние эксперименты с погружением, похоже, воспитали в нем водобоязнь. Он только виновато смотрит на меня, но к воде даже не подходит.

Папа выныривает и показывает нам обрывок дедовского страховочного троса. Он ныряет еще, а потом еще, пока не заканчивается воздух в баллонах.

Дед пропал... Нет ни его, ни баллонов, ничего.

А ведь у меня уже был готов ответ. Есть голова, нет головы и так далее – это хромой, вроде СДД, который идет себе и идет, а мы смотрим на него из-за забора или ограды, не

важно, главное – непрозрачного препятствия, и его голова то выныривает, то прячется...»

– Зелень, зелень, вспомним зелень, – бормотал-напевал Турецкий, – вспомним о полях сожженных, как там... об убитых турах, уничтоженных бизонах, о мехах, звериных шкурах... Хм. Забавные стишки сочиняет юный автор дневника. И собака у него забавная. Никогда не слышал такой клички. Ожуг. Даже не ожог. И не обжиг. Ну да мало ли.

Турецкого отвлек назойливый комариный писк. Сосун спикировал ему на левую руку пониже локтя и, пробежавшись в поисках места повкусней, изготовился вонзить хобот в трудовую важняцкую плоть. Но был сражен тяжелой мозолистей ладонью. Мозоли, правда, не на ладони: одна на среднем пальце от шарикового «паркера» (Славка на сорокалетие подарил) и вторая на подушечке указательного – по клавиатуре много стучать приходится, но вампиру от этого не легче.

Интересно, наркоманов комары кусают, задался вдруг вопросом Турецкий, и если кусают, то как им после этого, тоже кайф? Или, может, они тоже подсаживаются и ломаются без дозы?! Это ж какая тяжелая должна быть житуха у комара-наркомана...

А на потолке расселось еще энное количество кровососов. – Фиг вам, – сказал Турецкий и включил «фумитокс».

С печальным стоном насекомые отрывались от потолка и

валились вниз, а вместе с ними проваливался в сладкую дрему «важняк» Турецкий. Придерживая пальцами веки, он попробовал еще почитать, но, сообразив, что десять минут елозит глазами по одной и той же строчке, сдался и отложил тетрадь до завтра.

Засыпая, Турецкий думал, что тетрадь эта, вне всякого сомнения, не Жекина и даже пока не про Жеку, но, с другой стороны, – уж точно не про Вовика... но зачем-то же Вовик хотел ее уничтожить... и именно в связи с Жекой... особенно обидно будет... если у него просто случился очередной заскок... или он построил длинный ассоциативный ряд... доступный только одному его извращенному уму... А вообще, пора заняться скорочтением...

Утром Турецкому до чертиков захотелось совершить должностное нарушение – остаться дома и дочитать тетрадь.

В конце концов, какого лешего? Он занимается практически частным расследованием, в служебное время, с одобрения начальства и, как бы между прочим, за свою обычную зарплату. Так почему, спрашивается, он должен тащиться ни свет ни заря по жаре незнамо куда – проверять какие-то полужановые версии. Есть улика на руках – можно изучать ее сколько потребуется. А там видно будет, уличает она какого-нибудь наркозлодея или не уличает. Надо извлекать выгоду из ситуации, а выгода в ней единственная: он сам себе хозяин, и некому с него сурово спрашивать. Уж за пассивность в проведении расследования – во всяком случае.

Турецкий уже почти загипнотизировал свою совесть и отправился варить вторую порцию кофе с твердым намерением остаться дома. Но пока он убеждал себя в необходимости и оправданности такого поступка, солнце начало светить в окна, и в квартире запахло Сахарой. Турецкий еще раз полистал дневник – чтения не на один час, а в кабинете кондиционер... А по дороге можно и к Сахнову в клинику заехать. Черт, пошланговал, называется...

Лечащий врач Жеки был пожилой и грузный, с вислыми седыми усами, похожий на Тараса Бульбу. Он открыл исто-

рию болезни наугад где-то посредине, достал очки, потом спрятал, склонился в три погибели и долго изучал одну страницу. Турецкому показалось, что он спит. Может, не будить, подумал Турецкий, почитаю пока, тут, слава богу, прохладно.

– У Промыслова ремиссией и не пахло, – сказал наконец врач, не поднимая глаз от медицинской карты. Выходит, он все-таки не спал. – Есть наркоманы, которым еще можно помочь. На самом деле, очень многим, хотя излечиваются далеко не все – срываются, как правило, по самым разным причинам. А Промыслов – безнадежен.

– Почему? Настолько запущенный случай или...

– Он после первой дозы уже был неизлечим. Ярко выраженная предрасположенность. Я это понял очень быстро. Традиционными методами ему помочь нельзя, но не выгонять же его на улицу – лечили как всех. Клятва Гиппократов.

Врач снова уткнулся в Жекину карту на той же самой странице. Турецкий начал нервничать. Что-то тут не так. Не хочет этот эскулап с ним разговаривать, откровенно не желает и даже не скрывает свое нежелание.

– А с самим Евгением Промысловым вы делились своим скепсисом по поводу его исцеления?

Доктор посмотрел на Турецкого, как на умственно отсталого. Впрочем, может, он на всех так смотрел?

– Я что, по-вашему, полный идиот? Он бы на следующий день вскрыл себе вены. У него и так абсолютный бардак в

голове. Положенный курс прошел – выписали. Дальше уже все от него самого зависит.

– Вы упомянули о нетрадиционных методах. Что именно имеется в виду? И поднимали ли вы эту тему в беседах с Промысловым?

– Да как сказать... Ходят всякие сказки. Какой-то буддистский монастырь где-то в Бурятии, что ли. Но каким бы принципиально иным ни было лечение наркомана, смысл-то остается прежним: ему нужно пережить ломку, потом вторичные рецидивы и так далее. Все то же самое, только без медикаментозной помощи. Но при желании можно и аппендикс удалить без анестезии.

Турецкий содрогнулся.

– То есть вы ему ничего подобного не советовали?

– Я нет.

– А кто советовал?

Врач пожал плечами.

– Как Промыслов вообще попал к вам?

Молчание.

– Сановный папа постарался?

– Я с его отцом дела не имел.

– А с кем имели? У вас же не какой-то задрипанный районный психдиспансер, уверен, что не так просто сюда попасть. Вы же наверняка не станете подбирать наркомана в подворотне.

Врач снова пожал плечами:

– Я его не устраивал.

– С кем из больных Промыслов общался?

– Ни с кем. Он лежал в боксе.

– А из персонала?

Молчание.

– Вы меня плохо слышите?! – не выдержал Турецкий. – С кем из персонала контактировал Промыслов?!

– С Долговой, – пробубнил доктор недовольно.

– Кто такая Долгова, врач? Сестра?

– Завлаб в НИИ, к клинике она отношения не имеет. Вроде бы они с Промысловым давние знакомые.

– Так это она его устроила?

– Не знаю. Наверно. Возможно. Его покойный Георгий Емельянович лично оформлял, а она каждый день навещала. Отца его, повторяю, я в глаза не видел.

У Долговой было необычное имя – Божена. Миловидная натуральная блондинка с хрупкими чертами лица, глубокими синими глазами и легкой спортивной фигуркой.

Она сидела за компьютером, одновременно глядя на монитор и в лежащий на столе справочник, левая рука бежит по клавишам, правая что-то чертит в журнале. На появление Турецкого Божена Долгова никак не отреагировала. Он заглянул ей через плечо: сплошь китайская грамота, чудовищные химические формулы и непонятные обозначения.

– Вы следователь? – спросила она, не отрываясь от работы.

– А вы в прошлой жизни были Юлием Цезарем?

Божена Долгова захлопнула справочник и выключила компьютер.

– Вы здесь в связи с гибелью Георгия Емельяновича?

– Не совсем. Некоторое время назад исчез Евгений Промыслов, а я его разыскиваю.

– Здесь вы его не найдете, зря стараетесь.

Азаров был прав, подумал Турецкий, народ тут как на подбор: ни с одним каши не сваришь.

– И почему вы пришли ко мне? – снова подала голос Долгова.

Ну это уже ни в какие ворота, возмутился он про себя.

– Послушайте, я не хочу показаться невежливым, но обычно я задаю людям интересующие меня вопросы. Давайте будем придерживаться традиций.

– Давайте не будем спорить на пустом месте. Что конкретно вы хотите знать о Евгении?

– Как максимум, где он в настоящий момент находится и чем занимается.

– Увы, мне об этом ничего не известно.

– Тогда расскажите мне о нем все, что знаете, дабы я смог отталкиваться от чего-то в своих поисках.

– Я принимаю ваше предложение, давайте будем придерживаться традиций. Спрашивайте.

– Договорились. Спрашиваю: это вы устроили Промышлова сюда, в клинику профессора Сахнова?

– Да, я его уговорила. Это одна из лучших, если не самая лучшая у нас государственная нарколечебница. К тому же я могла непосредственно контролировать, как у него дела.

– Я только что разговаривал с его лечащим врачом. Он сказал, что Евгений предрасположен к наркотикам и потому лечение не было эффективным...

– Насчет предрасположенности я с ним на сто процентов согласна, – с жаром подхватила Божена, – хотя это и не вполне строгий термин. На сегодняшний день ни в одной наркологической клинике мира не могут измерить степень предрасположенности пациента к тому или иному наркотику количественно, как, например, артериальное давление. Не су-

ществует общепризнанной методики.

– То есть вы тоже считаете, что лечение было обречено на провал? Зачем же вы тогда на нем настаивали?

– Вы не совсем правильно себе это представляете. Помещение Евгения в клинику не было абсолютно бесперспективной затеей. Да, шансов на исцеление было немного, но они есть всегда, это процесс вероятностный. И он, по крайней мере на время лечения, перестал колотиться. Уже одно это стоило того, чтобы...

Это еще надо бы уточнить, но не сейчас, подумал Турецкий, попозже, сначала следует усыпить бдительность.

– Но Промыслов лечился уже неоднократно, в том числе за границей, и пока без особого результата.

– Да, я знаю...

– А вообще, как давно вы с ним знакомы?

– Мы вместе учились в институте.

– И там он сел на иглу.

– Не сразу. Начал с травки, потом амфитамины...

– Надо понимать, для сокурсников это не было большим секретом?

– Баловались, конечно, коноплей, не он один был такой. Не так повально, как сейчас, но тем не менее. Но остальные это переросли, как детскую болезнь, а Евгений из-за своей предрасположенности стал быстро прогрессировать.

– Погодите, вы учились вместе с Промысловым. Тогда вы должны быть знакомы и с Коржевским.

– Конечно, я с ним знакома.

– Он мне про вас ничего не рассказывал.

– А почему вы думаете, что он должен был? О чем вы разговаривали?

– Все о том же. Почему исчез Промыслов и как его найти. Вы думаете, Коржевскому было известно о вашей роли в последней попытке Евгения соскочить с иглы?

Божена пожала плечами:

– Спросите Коржевского.

– Не премину. Вот что, давайте рассмотрим возможные версии исчезновения. Вы лучше знали Промыслова, можно сказать, несравненно лучше, я его вообще никогда в глаза не видел, кроме того, вам известно его психологическое состояние. Поэтому вы для меня прокомментируете вероятность тех или иных предположений.

Божена посмотрела на Турецкого без особого энтузиазма.

– Давайте, конечно, попробуем, но не стройте иллюзий, будто я эксперт по его мотивационным приоритетам. Он же наркоман, может, ему пригрезилось, что он Афанасий Никитин и опаздывает на последний караван в Индию, – доходчиво объяснила Божена. – Как вы в таком случае собираетесь его найти? Вы над этим задумывались?

– Это как раз проще всего. Возбуждено следственное дело, подключен МУР, объявлен его розыск в масштабе страны. Ориентировки разосланы, если он где-нибудь объявится, хоть в тмутаракани, его задержат. А вот мог он, к примеру,

никого не предупредив, податься, допустим, собирать урожай мака, вместе с кем-нибудь из своих дружков?

– Не думаю. Женя не любитель экзотики и здорового физического труда на свежем воздухе. А зарабатывать таким способом у него нет нужды.

– Кстати, он денег у вас не просил?

– Нет, конечно, – удивилась она. – Да и потом, откуда у меня деньги?

– И были ли у него долги, вы тоже не знаете?

– Возможно, и были. У кого их нет? Но он мне ничего не говорил.

– А могли его взять на работу в подпольную лабораторию? В конце концов, он дипломированный химик.

– Чушь это все! – взорвалась Божена. – Простите, сорвалось... Он больной человек. А дипломированных специалистов без зарплаты – девять из десяти. Девятьсот девяносто девять из тысячи! И каждый второй продается за грош, только предложи!

– И тем не менее. Для такой работы нужен человек абсолютно надежный в глазах наркомафии.

– Вот именно. Но Евгений, если он снова сел на иглу, – работник будет никакой, это уж я вам точно говорю. А если завязал – он уже ненадежен в глазах вашей наркомафии.

– Но он же не завязал? Вы с ним вообще встречались после выписки?

– Мы договорились, что он будет регулярно заходить сю-

да. Я работаю с утра до вечера и почти постоянно по выходным, так что мне некогда его навещать, а он все равно пока не при деле.

– Ну и?

– Заходил несколько дней подряд, потом пропал. Я позвонила, поднял трубку какой-то тип, я сразу поняла, что там оргия в самом разгаре. На следующий день я заехала к нему с утра, но он мне не открыл. Потом в течение нескольких дней я пыталась с ним связаться, звонила сто раз, он все время говорил, что заглянет завтра, но я же видела: Женя избегает встречи со мной. В квартире у него постоянно функционирующий притон, действует без выходных, обеденного перерыва и санитарного часа...

– Может, он именно поэтому и скрылся, хочет завязать и не желает пересекаться со своими приятелями, чтобы не сорваться? Забрался в какую-нибудь глухомань?

– В какую глухомань?! В Рязанскую область? Попросил бы отца, тот бы ему устроил путевочку на Фолклендские острова или круиз вокруг Новой Зеландии. Вот это, я понимаю, глухомань, как раз для нашего Женьки.

– Ну что ж, благодарю за содержательную беседу.

Турецкий составил куций протокол допроса свидетеля, попрощался, вышел и воспользовался приемом знаменитого телесыщика: подождал полминуты за дверью и неожиданно вернулся.

– Еще всего лишь один маленький вопрос: Промыслов

нормально себя чувствовал во время лечения?

Божена встрепелулась при его повторном появлении:

– Что вы имеете в виду?

– Поскольку у Евгения была высокая предрасположенность к наркотикам, он, очевидно, чрезвычайно тяжело переносил ломку?

– Это для всех тяжелейшее потрясение. Но им же вводят соответствующие препараты...

– И все-таки для Промыслова это была особенно тяжелая и болезненная процедура.

– К чему вы клоните?

– У меня есть некоторые факты, – вдохновенно соврал Турецкий, – дающие основание подозревать, что во время лечения Евгений Промыслов употреблял наркотики. Как и многие другие пациенты. Вы ежедневно его навещали и, как специалист, не могли не заметить, что с ним что-то не в порядке. Поскольку вы были инициатором лечения Евгения именно в клинике профессора Сахнова, у меня нет ни малейших оснований подозревать вас в причастности к тому, что там творится. К тому же вы сотрудник НИИ и не имеете к клинике непосредственного отношения. Поэтому я жду, что вы расскажете мне правду. Вы же сами только что меня убедили: Евгений не мог исчезнуть просто так. Следовательно, его исчезновение напрямую связано с убийством Сахнова и хождением наркотиков в клинике.

– Это ложь!!! – Божена вскочила со стула и едва не смах-

нула на пол монитор. – Во-первых, Евгений не употреблял наркотики во время лечения, это я вам заявляю категорически! И про других пациентов покойного профессора Сахнова мне ничего подобного неизвестно! Это все на сто процентов инсинуации, распространяемые его врагами. Вы знаете, что он был за человек?! Вы представляете, как лечат в его клинике и в большинстве наших принудительных наркологических лечебниц?! Там нет никакой современной диагностической аппаратуры, все оборудование в лучшем случае на уровне полувековой давности. И никакого индивидуального подхода, всех под одну гребенку. Единственный метод, который там применяется, – введение препаратов, вызывающих повышение температуры до тридцати девяти и более, это якобы способствует очищению организма и освобождению от наркозависимости. И так две-три недели, и все это на фоне ломки. Это все равно что в одну палату положить сифилитика, туберкулезника и страдающего косоглазием. И всем ставить клистир, по десять раз в сутки, до полного выздоровления. Я уже не говорю о том, что во многих клиниках больных просто нечем кормить, нет денег. А на принудительное лечение народ туда по-прежнему отправляют. Толпами...

– Хорошо, хорошо, я все понял. – Турецкий увидел, что нечаянно разбудил вулкан, и теперь следует спасать положение. – Какое отношение имеет сказанное к профессору Сахнову?

– Наинепосредственнейшее! Проблема большинства клиник не только в хроническом безденежье. Она – в абсолютно противоестественном порядке, направленном против пациентов. Врач не должен ощущать себя чиновником, который ходит на службу, издевается над докучливыми посетителями, чтоб знали свое место, и при случае подворовывает. А у нас повсюду именно так и происходит. И система обрастает соответствующими людьми, другие просто не приживаются. А Георгий Емельянович собрал настоящих специалистов, главное – порядочных людей. Поэтому к нему потянулись больные и поэтому удалось раздобыть средства на современное оборудование и лекарства. Вы следите за логикой?

Турецкий непроизвольно кивнул и от этого почувствовал себя провинившимся школьником.

– Если бы наших пациентов снабжали наркотиками, кое-кто из врачей, может, и ездил бы на «мерседесе», но сама клиника уж точно влачила бы жалкое существование.

Долгова нервно прошлаь взад-вперед.

– Все. Если у вас больше нет вопросов, я хотела бы продолжить работу.

По возвращении из клиники Турецкий принялся читать многочисленные отчеты, составленные к этому времени пунктуальным Денисом Грязновым.

Денис, чтобы не терять времени даром на рассказы о том, что ничего существенного обнаружить не смог, предпочитал составлять докладные. Не уважает, посетовал про себя Турецкий, а может, наоборот, уважает и старается не отвлекать гиганта мысли, «важняка» Турецкого от малопродуктивной, а то и вовсе бесполезной мыслительной работы.

Денис посетил несколько значных мест, где бывал Промыслов, и встретился с тремя как минимум десятками людей, его знавшими. Жека, похоже, пользовался популярностью в своих кругах. Однако ничего конкретного по поводу его местонахождения и причины исчезновения ни один из опрошенных сообщить не смог. По вопросу значительных долгов Жеки единодушия не было, большинство не в курсе, кто-то подтверждает, кто-то, наоборот, уверяет, что это бред.

Денис всех, с кем поговорил, разделил в соответствии с их мнением касательно причин исчезновения. Может пригодиться. По утверждению Дениса, он обследовал пока не более трети точек, к тому же постоянно всплывают новые, поэтому признавать его деятельность безуспешной пока что очень даже преждевременно.

И еще одна любопытная деталь вырисовалась – до Дениса большинство значных мест посетил Вовик с тем же сакральным вопросом: где Жека? Интересно, они действительно были любовниками?!

Турецкий позавидовал Денисовой производительности и в очередной раз похвалил себя за то, что настоял на его участии в деле. Иначе пришлось бы ему топтать собственными ногами с утра до вечера из одного притона в другой и вызывать целые полчища наркоманов на откровенные разговоры. Плюс ко всему эта несносная жара, и каждая сволочь из-за нее ни черта не соображает или запирается...

Настала пора повторить беседу с любителем (или мучителем) попугаев Коржевским. Он ведь умолчал о Долговой, а значит, не исключено, еще что-нибудь запомнил. Или «запаятовал».

Коржевский звонку вполне натурально обрадовался:

– Александр Борисович? А я как раз собирался вам звонить.

– И зачем собирались? – недоверчиво поинтересовался Турецкий. – Промыслов пришел за оставшимися ста пятьюдесятью долларами?

– Нет, Женька не появлялся, – хмыкнул Коржевский. – Но я тут вспомнил кое-что, совершенно случайно. По телефону обсудим или, может, встретимся где-нибудь? Я бы, честно говоря, предпочел встретиться.

Тащиться куда-то по жаре Турецкому совершенно не хо-

телось.

– Подъезжайте ко мне, я закажу вам пропуск, – предложил он, но Коржевский тут же пошел на попятную:

– Тогда уж лучше давайте по телефону. Заведения, подобные вашим, наводят на меня тоску и пробуждают дурные предчувствия.

– А что, есть чего бояться? – По сути, Турецкий о Коржевском знал чрезвычайно мало.

Конечно, глупо в каждом встречном и поперечном видеть злобного мафиози, скрывающегося под личиной бизнесмена средней руки. Но Коржевский славен уже тем, что не был абсолютно искренним (как, впрочем, наверное, и любой бизнесмен средней руки), а значит, достоин более пристального рассмотрения. Еще одна работа для Дениса и его орлов.

– А кто сейчас, скажите, может чувствовать себя совершенно спокойно? Разве что идиоты. Я себя к таковым не причисляю. – Коржевский на том конце провода перевел дух и, кажется, глотнул пепси. – Ладно, о деле: я тут листал «Московский комсомолец» и нарвался на фамилию Говоров.

– Маршал такой был. Командующий Ленинградским фронтом. Его сын тоже военный.

– Это не то. Я долго соображал, откуда этого Говорова могу знать, а чувствовал, что определенно видел или слышал раньше. Пока наконец сообразил, что этот Говоров примерно месяца три назад приставал к Женьке, просил у него эксклюзивное интервью или даже предлагал вместе написать

книжку. Разумеется, на предмет наркотиков. А у Промыслова был как раз один из редких периодов просветления. Он даже вернул мне занятые год назад триста долларов, правда, про еще пятьсот запамятовал или сделал вид, что забыл. Не важно. Мы посидели, поговорили, и он мне поведал об этом Говорове. Сказал, что послал его подальше. Но журналисту, оказывается, нужны были не воспоминания настоящего живого наркомана, и Женькины родственные связи его тоже мало интересовали. У Промыслова были какие-то проблемы с милицией. Причем очень специфические. Его то ли шантажировали, то ли требовали какую-то дань. Ничего конкретного Женька по этому поводу мне не рассказал, так что ни фактов, ни фамилий сообщить вам не могу, но вот этот Говоров, вполне возможно, что-то из него вытянул.

– И что, вы все это вот так неожиданно вспомнили? – недоумевал Турецкий. – А в прошлый раз, значит, в голову не приходило?

Коржевский совершенно искренне расхохотался.

– Приходило. Только я в прошлый раз ничего этого вам рассказывать и не собирался. Я же вас прямо спросил: вы на папу Промыслова работаете или как? А вы мне что ответили? Ничего не ответили. Что, по-вашему, я должен был продажному прокурору докладывать о продажной милиции?

– А что сегодня изменилось?

– Ничего не изменилось. Просто я поговорил кое с кем, и оказалось, что следователь по особо важным делам Турец-

кий в связях с мафией не замечен и вообще является человеком исключительно высоких моральных принципов.

– Об источниках можно полюбопытствовать? – Интересно, что, в Москве новую телефонную справочную завели – «Коррупцированные чиновники из МВД и прокуратуры»? Звонишь, и тебе рассказывают: если кто продается, то за сколько, а если нет, то на какое слабое место давить в случае надобности.

– Полюбопытствовать можно, – ответил Коржевский, – но выдавать их не буду, разве что Промыслова-старшего, он о вас чрезвычайно высокого мнения.

– А о Долговой вы из тех же соображений умолчали?

Коржевский, кажется, смутился.

– О Долговой – нет. А вы и с ней уже успели познакомиться?

– Успел.

– У них что, ренессанс?

– Ренессанс? – не понял Турецкий.

– Возрождение былых чувств. У Женьки с Долговой когда-то был роман. О котором она вам конечно же не рассказала. Не рассказала ведь? Так что выдать она может о нем много чего для вас интересного. А я, честно говоря, только от вас узнал, что они продолжают поддерживать какие-то отношения. Роман-то у них был еще в институте. Потом оказалось, что Женька наркоман, и Божена пыталась как-то на него повлиять, а когда сообразила, что это бесполезно, тут

они, по-моему, и расстались.

Да, интересное кино получается, подумал Турецкий, положив трубку. Это же вообще может в корне перевернуть все расследование. Если Жеку опять похитили пришельцы, или где-то прячут, или вообще убрали коррумпированные менты, то искать можно до второго пришествия. А Коржевский? Перестраховывается, гусь лапчатый, или сознательно придерживает информацию?

Определенно, журналиста этого с военной фамилией нужно выщемить и подробно допросить, а Коржевского прощупать и проверить.

В «Московский комсомолец» Турецкий позвонить не успел, ему самому позвонил Меркулов:

– Загляни, Александр Борисович, есть дело.

– С каких пор я для тебя стал Александром Борисовичем? – удивился Турецкий. – Или у тебя там Азаров сидит и ты для поднятия авторитета меня по отчеству?

– Приходи-приходи, Пинкертон, давай будем вместе детекцией заниматься.

В кабинете Меркулова действительно сидел Азаров.

– Изложи еще раз, пусть Александр Борисович тоже послушает, – кивнул ему Меркулов, как только Турецкий уселся, удовлетворенный таким раскладом.

– Излагаю. В связи с убийством Сахнова Георгия Емельяновича я разрабатывал несколько версий. Согласно одной из них убийство было совершено двумя экс-сотрудниками милиции, ныне осужденными и отбывающими наказание в спецколонии для бывших работников правоохранительных органов, это в Кондратьевске, в Рязанской области. Я просмотрел личные дела осужденных и действительно отыскал двух человек, соответствующих описанию: Тернозов Виктор Семенович и Петровский Вадим Николаевич. Оба в прошлом районные оперативники, причем Тернозов – москвич. Свидетели гибели профессора Сахнова по предъявленным

фотографиям опознали их с большей или меньшей степенью уверенности. Кроме того, я проверил связи Тернозова и вышел на его старого приятеля, который видел его накануне убийства Сахнова. По его словам, он встретил Тернозова на улице, тот его тоже узнал, но в контакт вступить не пожелал, а немедленно скрылся: сорвался с места – и бегом. Так что причастность Тернозова и Петровского к убийству Сахнова можно считать доказанной.

– Я не совсем понял, – вмешался Турецкий, – или, может, у меня маразм? Так поправьте. Как они могли хлопнуть профессора, одновременно сидя в зоне? А что говорит администрация колонии? Что, эти Петровский и Тернозов получили отпуск за примерное поведение? За что они, вообще, сидят?

– Я подробно не разбирался, так, вкратце посмотрел, – ответил Азаров. – Тернозов при задержании застрелил подозреваемого. Оказалось, не тот – вместо рецидивиста завалил его родного братца, честного труженика прилавка. Получил пять лет, отсидел год. Петровский попался на взятке, сидит уже около двух лет. До судимости знакомы не были.

– А все-таки что говорит администрация колонии?

Азаров с Меркуловым переглянулись.

– Тут все и начинается, – сказал Меркулов. – Продолжай, Алексей.

– Администрация заявляет, что оба заключенных никуда не отлучались, это абсолютно исключено.

– Но свидетели-то их опознали, как с этим быть? Обо-

знать, они не могли?

– Не думаю, – возразил Азаров, – я еще могу поверить, что свидетели с места аварии находились в шоковом состоянии, до того ни Петровского, ни Тернозова в глаза не видели и что-то перепутали. Но приятель Тернозова знает его с детства и столкнулся с ним буквально нос к носу. Он уверяет, что ошибки быть не может, это точно Тернозов, он уверен на все сто процентов. Но и это еще не все. Буквально полчаса назад мне позвонил некто и посоветовал не ездить в спецколонию и вообще не разрабатывать эту сомнительную версию. Иначе со мной по дороге может произойти несчастный случай. А если я не поеду, то мой шаг будет оценен по достоинству.

– погоди, – вмешался Турецкий, – а ты докладывал по начальству обо всем, что сейчас рассказал, я имею в виду, про этих Тернозова и Петровского?

– В том-то и весь фокус, что нет.

– И материалы дела никто прочесть не мог?

– Вы издеваетесь, Александр Борисович? – с обидой ответил Азаров. – Папка постоянно находилась в сейфе, я никогда ни одной бумаги у себя на столе не оставляю без призора. Если выхожу хоть на минуту, все запираю в сейф.

– Прямо как Жеглов в «Место встречи...». А номер служебного телефона?

Азаров нахмурился:

– Это не такая уж тайна за семью печатями. Во всяком

случае, заместителю начальника колонии, с которым я разговаривал утром, я свой номер оставлял.

– Ну что ж, по крайней мере, измена гнездится не в этом здании – уже приятно, – подвел итог Меркулов. – Какие будут предложения?

– Спустить на них всех собак, пусть порвут им задницу, – щедро предложил Турецкий, прекрасно понимая, к чему идет дело. – Вызвать артиллерийскую и авиаподдержку. И вообще, весь резерв ставки.

Меркулов искоса неодобрительно на него посмотрел, так, чтобы Азаров не заметил. Турецкий слегка развел руками: мол, что я, должен лезть к дьяволу в задницу, а сам и слова сказать не имею права?

– В общем, так, – сказал Меркулов, – артподготовку и бомбометание отложим до тех пор, пока не будет произведена разведка на месте. Алексей, ты сегодня домой не идешь. На всякий случай. Вдвоем с Александром Борисовичем, без водителя, ночью выезжаете на служебной машине в Кондратьевск, с тем чтобы быть там часам к семи. Допросите кого считаете нужным, на это вы имеете полное право – у вас в руках два уголовных дела. К тому же я сделаю письменное поручение – достаточно, чтобы допросить любое должностное лицо. В гостинице не останавливайтесь, на ночь отправляйтесь в Рязань. Дальше загадывать не будем – посмотрим по обстановке.

Турецкий с Азаровым молча вышли. Турецкий подождал,

пока его молодой коллега не зайдет за угол, и вернулся в кабинет Меркулова.

– Слушай, Костя, просвети меня, пожалуйста, что происходит?

– Сам все слышал, думаешь, я собираюсь тебя вслепую использовать? Кстати, не забудь обзавестись сотовым телефоном. И Азарову не показывай, мало ли что.

– Ладно, сам разберусь, не маленький. Лучше открой мне страшную тайну, чей протекже наш юный друг и товарищ Алексей Азаров?

– Покрыто мраком. Мне Азарова представлял генеральный, когда его к нам перевели. Вот-де, Константин Дмитрич, возьми на заметку и способствуй служебному росту, и при этом поинтересовался у него его же отчеством.

– Из чего следует, что самому генеральному Азарова кто-то порекомендовал.

– В общем, давай разберись там, что к чему, может, между делом выяснишь, откуда у Азарова растёт волосатая лапа.

– А послужной список? – продолжал интересоваться Турецкий.

– Чистый. Начиная с юрфака университета имени Ломоносова. Что-нибудь еще?

– Не знаю пока.

Выехали после часа.

Турецкий первым сел за руль в надежде поспать под утро, пока что не особенно хотелось. По радио передавали концерт «Doors». Он честно попытался представить себе музыку Джима Мориссона в виде цветных макарон, как рассказывал Денис, но не получилось, для этого следовало как минимум закрыть глаза, чего за рулем не рекомендуется. Категорически – если, конечно, хочешь доехать до цели. С открытыми глазами Турецкий видел только демонов с двумя (иногда более) горящими глазами (фарами), правда, до демонов они немного не дотягивали. Слишком реальные и приземленные. И попадают слишком редко, демоны для большего эффекта должны ходить косяками.

Турецкому надоело заниматься чепухой, он уже просто вел машину. Его посетила идея небольшого саботажа: если сбавить скорость – они доберутся до места позже и ему больше времени удастся поспать. Правда, Азаров может начать джигитовать, наверстывая упущенное, будет давить на всю железку, подпрыгивать на каждой кочке, тогда вовсе не получится глаз сомкнуть.

Стоило вспомнить про Азарова, как тот сразу же заворочался на заднем сиденье.

– Не спится? – сухо поинтересовался Турецкий.

– Колдобины снятся.

– Тогда лучше не мучайся. Скажи мне такую вещь – я думаю, теперь ты можешь не темнить, – на тебя по поводу дела Сахнова до сегодняшнего дня кто-то наезжал?

– Почему вы так решили?

– Человека, который выдал тебе информацию против Сахнова, ты вопреки всем правилам скрываешь и закон нарушаешь, даже ни разу не допросил его, по крайней мере. В деле нет ни одного упоминания об этом типе! Это раз. Два: ты не стал шерстить сахновскую клинику, опять-таки вопреки УПК. Уверял меня, что это тактически неверно. Выходит, ты, боялся кого-то спугнуть. Кого, спрашивается? И самое главное, откуда ты вообще знаешь про существование этого кого-то?! Ответ напрашивается только один. Он сам тебя разыскал и припугнул: мол, не рой слишком глубоко – наткнешься на мину и подорвешься.

– Я вас, Александр Борисович, недооценил, – с уважением произнес Азаров. – Но если вы сами все понимаете, зачем спрашиваете. Какая, в конце концов, разница, кто именно диктовал правила игры? Важно, что это были правила. И Генпрокуратура, и МВД, и даже ФСБ – временами все согласно им действуют, если в дело включается политика. Того не тронь, этого опасайся. Если надо кого-нибудь сожрать – они схрумкают за один укус, не потому, что он урод, а все правильные, а потому, что пришел момент им пожертвовать. И я не думаю, честно говоря, что при моей жизни эта систе-

ма существенно изменится. Весь мир так живет. Может принять более организованные формы, и то сомнительно...

– Не учи отца – и баста, как говорят современные классики, – перебил Турецкий, которого разозлили азаровские нравоучения. – Если ты такой умный и постиг высокие истины, на кой ляд мы едем в этот сраный Кондратьевск?

– Потому что кто-то не хочет играть по правилам. Кто-то решил, что может класть на нас с прибором и по собственному разумению учинять беспредел. И если мы не в силах сломать систему, то поставить на место отдельных наиболее зарвавшихся засранцев просто обязаны! – с энтузиазмом заявил Азаров. – Иначе они начнут помыкать нами, как уличными девками. С такой постановкой вопроса вы согласны, Александр Борисович?

Турецкий промолчал, чтобы не сказать какой-нибудь гадости. По сути, Азаров прав, но по форме...

– Наверняка согласны, – ответил за него Азаров. – Вы же начинали на пятнадцать лет раньше, тогда все это было гораздо откровеннее. Это сейчас народ более ушлый пошел, всем рот не заткнешь, приходится изворачиваться, чтобы люди не понимали, как делается власть. – Азаров на некоторое время умолк, а затем спросил неожиданно: – Вы в клинике у Сахнова были?

– Был, – нехотя ответил Турецкий. Соврать почему-то язык не повернулся. Хотя что за дела? Утечка профессионализма, что ли...

– Ну и как?

– Трудно сказать. Не похоже, что они первому встречному-поперечному все с ходу выложат. Работать нужно, выявлять слабинку. Или тебе запретили?

– Зря вы так, Александр Борисович. Выяснили что-нибудь про вашего Промыслова?

– Ничего существенного. Точно могу сказать одно: он не вылечился. Хотя по ходу лечения вроде бы наркотиков не принимал.

– Может, просто денег не было?

– Не знаю, он мне декларацию о доходах не подавал. – Турецкий остановил машину. – Все, меняемся местами: твоя очередь. Рули осторожно, если не хочешь остаться один на один с мафией. Моему изношенному организму требуется два часа здорового сна для восстановления.

Что-то Азаров все-таки скрывает, успел подумать Турецкий, прежде чем забыться. Возможно, он связан с ФСБ... Или с кем-то из центрального аппарата МВД... Или с теми и другими вместе. Вполне возможно, он часть какой-то крупной группы, у которой есть свой интерес... Черт знает что, его, Турецкого, используют вслепую, и даже Меркулов не в силах этому помешать... он и сам, скорее всего, ничего толком не знает, в лучшем случае догадывается. Почему тогда упорно не желал делиться своими подозрениями?.. Чтобы не подталкивать к определенной версии, чтобы я ничего не проглядел? Бардак...

– Вот бардак, твою мать!

Турецкий открыл глаза и чуть не полетел на пол – Азаров на полном ходу ударил по тормозам.

– Доброе утро, Александр Борисович. Считайте, приехали.

Производство допросов распределили следующим образом: Турецкому досталась администрация колонии, Азарову – заключенные, в том числе и сами виновники торжества, Тернозов с Петровским.

Турецкий потратил полдня на допросы начальника колонии, «кума», начальников блоков Тернозова и Петровского. Результат, как и ожидалось, нулевой. Народ в колонии, разумеется, тертый, в здешней – особенно, а у Турецкого не было никаких фактов. Он честно пытался поймать допрашиваемых на противоречиях, хотя с самого начала не верил в перспективность этой затеи. Его роль фактически свелась к созданию отвлекающего эффекта и обеспечению прикрытия Азарову на случай непредвиденной ситуации.

Встретились после обеда. Азаров, похоже, остался доволен своей работой.

– Молчат все поголовно: дескать, ничего не знаем. Но есть одна зацепка. Как раз пятнадцатого числа в день убийства Сахнова произошла авария в котельной. И мастерскую, где работает Петровский, бросили авралить. В котельной работает один вольнонаемный мастер. Сейчас там у них опять какая-то авария, поэтому поговорить с ним я не смог, но потихоньку отозвал в сторонку, и после смены он обещал подойти.

– Вот что, – сказал Турецкий после некоторого раздумья. – Давай для форсу пойдем скажем до свиданья, сделаем вид, что вышло недоразумение, но теперь все стало на свои места, и поедем себе в направлении Москвы. Когда у твоего кочегара смена заканчивается?

– В пять.

– Вот к пяти и вернемся. А я три часика покемарю где-нибудь на лоне природы.

– Согласен.

– Тогда пошли прощаться.

Без десяти пять они въехали в город.

На сей раз – с противоположной, юго-восточной стороны, для чего пришлось дать получасовой крюк по проселку. Турецкий, отоспавшийся в тенике, чувствовал себя намного лучше и даже не страдал от жары, хотя машина еле ползла по ухабам и крыша раскалилась как утюг.

Оставлять автомобиль с московскими номерами на видном месте было бы неправильно: сразу заметят, городишко микроскопический, и вся конспирация – коту под хвост. Ставить его на стоянку – неудобно, может пригодиться в любой момент, а бросать где-нибудь в подворотне – только провоцировать местных охотников за запчастями. В итоге решено было оставить его во дворе продуктового магазина, где должна была состояться встреча, в пределах видимости.

Мастер опаздывал.

Азаров начал нервничать.

Турецкий пошел за пивом и пристроился в магазине на подоконнике – тут было прохладно, хотя и пованивало хлоркой. Он успел вовремя. Две минуты спустя набилось десятка два алкашей – не протолкнешься. Следом за Турецким они облепили подоконник. Может, и наш деятель тоже пропустил свою поллитру после смены, подумал Турецкий, и теперь неплохо себя чувствует, а мы тут его ждем, как идиоты.

В этот момент Азаров дал отмашку.

Они стали под деревом возле служебного входа. Турецкий раздал всем по бутылке пива. Мастер был явно не в себе.

– Вы помните аварию пятнадцатого июня? – сразу перешел к делу Азаров, даже бутылку не открыл.

– Ну... Ну помню, авария как авария. Трубам полвека...

– Сколько человек прислали вам на подмогу?

– Пятерых. Вроде бы. Там, с котельной рядом, ремонтная мастерская. Как раз пять человек народу работает. Если чего надо, их завсегда...

– То есть вы их всех знаете?

– Ну как знаю...

– В лицо и по имени.

– Ну.

– Петровский был в тот день?

– Ну был... – ответил мастер, воровато озираясь.

– Так «ну» или был?! – начал наступать на него Азаров.

– Чего вы ко мне пристебались?! Хотите, чтоб меня порешили? Вон...

Он спрятался за Турецкого и кивнул в сторону двух амбалов, откровенно наблюдавших за ними. Поняв, что их заметили, мордовороты спокойно пошли на сближение. Турецкий достал пистолет и снял с предохранителя. Парни тоже синхронно полезли за пазуху.

Но пострелять им не дали: откуда ни возьмись влетел милицейский «газик».

Амбалы так же синхронно развернулись кругом и резвым прогулочным шагом покинули место событий.

Мастер еще раньше, только заметив неладное, отступил на несколько шагов. А теперь продолжал пятиться, делая вид, что он здесь ни при чем.

Наряд был настроен по-боевому. Два крупногабаритных сержанта в бронежилетах взяли их на мушку, а третий, капитан, подошел сбоку и потребовал документы.

– Генеральная прокуратура, – поспешно ответил Азаров, доставая корочку.

– Ах, Генеральная прокуратура... – Капитан взял его удостоверение и неожиданно ударил рукояткой пистолета по шее.

Азаров отключился и безвольно шлепнулся на землю.

– В машину! – скомандовал капитан Турецкому, указав стволом в сторону «газика», и отобрал пистолет, который тот держал в руке. – Рыпнешься – завалю тут же. – Удостоверением он не поинтересовался.

Два сержанта подхватили Азарова под руки, но с первой попытки забросить внутрь «газика» не смогли, в бронежилетах они чувствовали себя неудобно, – возможно, новички...

Турецкий тоже подошел к машине, но не к задней дверце, а со стороны водителя. Тот, открыв дверь, с кривой ухмылкой наблюдал за неуклюжими действиями своих коллег. Турецкий резко схватил его за шиворот и дернул на себя. Водитель кубарем выкатился из кабины. Турецкий прыгнул на

его место и, не закрыв дверь, нажал на газ – двигатель, слава богу, работал.

Полного успеха ему добиться не удалось: когда он рванул с места, Азаров выпал через заднюю дверь на мостовую. Капитан выстрелил дважды, но не попал, Турецкий сразу свернул за угол.

Милицейский «газик» он бросил в четырех кварталах от магазина, свернул в проулок и стал лихорадочно соображать, что делать дальше.

Первым делом следовало доложить Меркулову, чтобы предпринимал экстренные меры по вызволению Азарова. Слава богу, вот мобильник и пригодился.

Уже через две минуты Меркулов обещал в самое кратчайшее время поставить всех на уши, а пока Турецкому следовало затаиться. Восстановление конституционного порядка в Кондратьевске могло потребовать нескольких часов.

Затаиться как следует он не успел. Выйдя из проулка после разговора с Меркуловым, Турецкий неожиданно очутился перед горисполкомом и сразу же нарвался на наряд милиции. Турецкий попытался пройти мимо как ни в чем не бывало, но, видимо, уже все патрульные в городе успели получить его приметы.

Удивляясь собственной прыти, Турецкий перемахнул через забор и только благодаря этому избежал участи Азарова. Он рванул что есть духу через огороды, не разбирая дороги,

и сумел-таки оторваться. Правда, внешний вид при этом пострадал – порвался в двух местах пиджак, что еще полбеды: поскольку пистолет все равно отобрали, можно снять и пиджак и кобуру, но на брюках выше колена зияла дыра, в которую легко мог пролезть футбольный мяч. Теперь на улицу не сунешься, с досадой подумал Турецкий.

Он остановился, чтобы отдышаться, посреди пустыря, но место, похоже, было достаточно людным, мимо прошло несколько кондратьевцев – и все пялились на него с нескрываемым любопытством. Что, никогда не видели следователя по особо важным делам, возмутился он про себя.

Турецкий решил не останавливаться на достигнутом, перелез еще несколько заборов и очутился напротив кладбища. И едва успел отскочить в кусты – мимо опять проехал милицейский «азик»! Да, собственно, это был тот самый, который он угнал менее получаса назад. Похоже, на него устроили полномасштабную облаву.

Турецкий пробрался на кладбище. Но и здесь ему пришлось постоянно ходить туда-сюда, сворачивая при виде людей – кладбище не было пустынным, а сидеть на одном месте Турецкий не мог себя заставить, ему постоянно казалось, что на него смотрят с подозрением.

На самом деле, в Москве спрятаться в миллион раз проще, чем в этом городишке, подумал Турецкий, несмотря на то что здесь на квадратный километр приходится три жителя и по десять тысяч кустов и деревьев. То есть, наоборот, именно

благодаря этому.

В конце концов, ему надоело слоняться по кладбищу, тем более мимо несколько раз проезжали патрульные машины. И он забрался в водонапорную башню. Воды в ней не было, зато было чудовищно душно и жарко от обилия раскаленного за день металла. В какой-то степени это компенсировалось относительной безопасностью и хорошим обзором. В течение получаса Турецкий насчитал пять желтых «азиков», патрулировавших город.

Он опять позвонил Косте. Слышимость была отвратительная – все по той же причине: слишком много железа под боком.

– Есть информация, – прорвался сквозь треск Меркулов. – В Кондратьевское РОВД якобы поступила из области ориентировка на двух особо опасных преступников с липовыми удостоверениями Генпрокуратуры, которые собирались организовать побег из спецколонии. В Рязани эту информацию пока не подтверждают. Ты понял меня?

– С трудом. Что с Азаровым?

– Обещали разобраться. Скоро выпустят.

Тем не менее Турецкому пришлось проторчать в водонапорной башне еще около трех часов, пока совсем не стемнело. Наконец позвонил Меркулов. В его тоне чувствовалось явное облегчение и вместе с тем не спадавшее напряжение.

– Можешь выбираться из своего логова. Азарова освободили, я с ним только что разговаривал по телефону. Но у

него там вроде какое-то ЧП. Разберись поскорее и сразу же перезвони. Я буду на телефоне.

Турецкий с некоторой опаской позвонил по «02» и потребовал, чтобы его подобрали у ворот кладбища. К удивлению «важняка», патрульный автомобиль не повез его в РОВД, а заехал во двор районной больницы.

Азаров был в морге и осматривал какой-то труп. Выглядел он (Азаров, не труп) еще хуже Турецкого: одежда в основном целая, но на пол-лица синяк, и еще он поминутно со вздохами хватался за поясницу.

– Кто это? – спросил Турецкий, кивнув в сторону покойника.

– Наш мастер из котельной. Напился, упал в открытый люк на задворках магазина и сломал шею. Якобы.

– Во сколько?

– Около половины седьмого. Обнаружили через пятнадцать минут. Еще тепленький был.

– Следы борьбы?

Азаров грустно махнул рукой:

– А, поди разбери, это следы борьбы или следы падения...

– Ладно, поехали отсюда, – сказал Турецкий. – Пусть этим занимается областная прокуратура.

В редакции популярного таблоида, именуемого «Московским комсомольцем», Турецкому координаты Говорова дать отказались.

И вообще отнеслись к звонку крайне подозрительно. Что для таблоидов, заметил про себя Турецкий, совершенно несвойственно.

Какая-то нервная дамочка долго допытывалась, кто он и откуда, потребовала назвать свой номер, она, дескать, убедится, что это действительно Генеральная прокуратура РФ, и перезвонит. От такой наглости «важняк» настолько обалдел, что даже не нашелся сразу, как ответить подостойнее – просто повесил трубку и перезвонил главному редактору.

Главного не было, Турецкий позвонил заму. Тот, слава богу, оказался покладистее и спокойнее, но тоже помог не очень.

– Говоров – прекрасный журналист, но у него, как бы это помягче сказать, пунктик: мания преследования. Он работает исключительно с криминальными сюжетами, и это не тупой пересказ событий, а глубокие журналистские расследования, которые вызывают явное неудовольствие в преступной среде. После двух неудавшихся покушений Говоров фактически перешел на нелегальное положение. В редакции появляется крайне редко, и никогда без острой необходимости.

сти. Его даже далеко не все сотрудники знают в лицо.

– То есть его что, вообще невозможно найти? – недоумевал Турецкий. – А за зарплатой он хоть приходит? У нас сегодня, кажется, пятое, или когда у вас зарплату выдают?

– А ведь вы правы, – явно обрадовался зам. главного. – Сегодня после обеденного перерыва будут давать деньги. То есть часто бывает, задерживают, а сегодня как раз редкий случай.

– И Говоров придет?

– Думаю, да, если, конечно, он сейчас в Москве.

Турецкий обещал подъехать, покараулить неуловимого журналиста, а заодно стоит поговорить и с редактором. Возможно, он тоже в курсе подкопов Говорова под продажных ментов.

Телефон зазвонил, когда Турецкий уже переступил порог родного кабинета, морально готовя себя к погружению в раскаленную атмосферу улиц. Звонила дражайшая супруга Ирина Генриховна.

– Саша, ты зарплату получил?

Вот они женщины! Нет бы поинтересоваться: не захирел ли, чем питаешься, как спится в одиночестве? Сразу в точку. Сразу о главном.

– Получил. – У Турецкого тоже вот выдался редкий случай. Видимо, годовщину августовского кризиса родное правительство решило отметить выдачей зарплаты в срок. И на всякий случай начали на месяц раньше. А то вдруг в августе

новый дефолт случится.

– Саша, мы тут совсем пропадаем, такая дороговизна. Вышли на главпочтамт до востребования сколько сможешь. Хорошо?

– А может, самому приехать?

– Ты серьезно?

– Что, помешаю?

– Чему?!

– Ну, курортные романы...

– Турецкий! Что ты несешь. Мы целомудренны до безобразия. А тебе действительно дали отпуск? Что же ты торчишь в кабинете?

– Тут кондиционер. А отпуск пока не дали, но скоро вот закончу...

– Саша, я всего две минуты заказывала, так что ты там заканчивай, грязные рубашки сдай в прачечную, не питайся в сомнительных забегах и...

– Папочка, я хочу на дельтаплане полетать над морем, пришли нам денежек побольше, – вклинилась Нинка. – Мы тут скучаем...

На этом связь прервалась. Да, видимо, концерты с большим успехом не удались, и другой спонсор, кроме бедного меня, подумал Турецкий, не отыскался. А жаль.

Зам. главного редактора «Московского комсомольца», ничем не примечательный тип лет пятидесяти, к сожалению, ничего об изысканиях Говорова на предмет наркоманов и их

отношений с милицией не знал. Или знал, но говорить не желал. Потому тема была исчерпана мгновенно и дальше разговор перетек на общие темы: о погоде, об экономической обстановке в стране и мире в целом, о наглости НАТО, о всеобщем бардаке и так далее. Редактор работой был, похоже, не особенно загружен, потому беседовал с удовольствием, чего нельзя сказать о Турецком.

Кондиционер в кабинете хотя и присутствовал, но не работал, и пятидесятилетний московский комсомолец боролся с жарой с помощью своей же родной газеты, он ею обмахивался и при этом угощал Турецкого горячим чаем, и сам его тоже пил. Секретарша редактора была предупреждена и в случае появления Говорова должна была незамедлительно доложить об этом. Что она и сделала, когда Турецкий уже отчаялся ждать и собирался откланиваться.

Говоров, которого Турецкий перехватил прямо у кассы, долго изучал его удостоверение и, воровато оглядевшись, молча кивком предложил следовать за ним. За ближайшим углом от входа в редакцию была припаркована обшарпанная «вольво», в которую Говоров и предложил сесть Турецкому, а после, еще раз опасливо оглядевшись, влез сам. Несмотря на жару, журналист был в застегнутой доверху кожаной куртке и кожаных штанах. Зачем он понадобился следователю Генпрокуратуры, Говоров даже не поинтересовался, а на вопрос, куда они направляются, ответил туманно:

– Туда, где завтра вы меня уже не найдете.

Какими-то закоулками-переулками «вольво» с жутко стучащим мотором и задним бампером, безбожно скребущим по асфальту, добралась до явно необитаемого семиэтажного дома сталинской постройки и наверняка предназначенного под снос или, возможно, под капитальную реконструкцию. Во всяком случае, строение было огорожено забором, на котором имелись надписи: «Работы ведутся СМУ № 287».

«Вольво» оставили в подворотне, и, отогнув доску в заборе, Говоров пропустил Турецкого во двор. Сам он не переставал озиаться и нервно поводить плечом – товарищ был определенно со странностями. Если еще учесть, что он носил толстенные плюсовые очки и наверняка ничегошеньки не видел дальше полутора метров, его оглядки представлялись откровенной паранойей.

По полуразвалившейся лестнице поднялись на третий этаж. Говоров отстранил Турецкого от света, падавшего сквозь разбитое окно, и опустился на колени у единственной не снятой с петель двери. Он осторожно провел пальцем по косяку и отделил волосинку, которая соединяла дверь с дверной коробкой (интересно, чем он крепил волосинку, клеем?), рассмотрел ее на свет, удовлетворенно хмыкнул, очевидно убедившись, что она не повреждена.

Потом встал на цыпочки и еще раз повторил операцию со второй волосинкой на верхней части двери.

После чего с воплем саданул дверь ногой – она совершенно спокойно открылась, поскольку замок отсутствовал, – и

ласточкой нырнул внутрь. Выстрелов не последовало, и вообще ничего страшного не случилось.

Говоров поднялся, отряхнулся и наконец пригласил Турецкого войти. Когда он расстегнул куртку, «важняк» увидел, что под ней тяжелый омоновский бронежилет.

Бронежилет Говоров не снял, к окнам не подходил, дверь закрыл и подпер старым тяжелым комодом, потом отодрал пару половиц на кухне и вытащил из образовавшегося тайника ноутбук, спиртовку и банку кофе. В компьютер он тут же что-то записал, но повернул его так, чтобы Турецкий ни в коем случае не увидел содержимое экрана. Чашки и канистра с водой стояли тут же на кухне, и журналист, спрятав ноутбук обратно под пол, взялся варить кофе.

Все происходило в полном молчании и напоминало дурной сон. Турецкий даже ущипнул себя, чтобы убедиться, что все это действительно происходит. Только когда кофе был разлит по чашкам, Говоров заговорил:

– Так что вы хотели мне рассказать?

– Я, собственно, хотел скорее у вас поинтересоваться, – с явным облегчением ответил Турецкий. – Примерно три месяца назад вы разговаривали с человеком по имени Евгений Промыслов. Я хотел бы выяснить содержание этих бесед и посмотреть ваши публикации, с этим связанные, если они, конечно, существуют.

– Я гарантирую своим источникам полную секретность и ни с вами, ни с кем это обсуждать не стану, – безапелляци-

онно заявил Говоров. Он залпом выдул свой кофе и, часто моргая, уставился на Турецкого сквозь толстые линзы.

– Хорошо, отвлечемся от Промыслова и поговорим о наркотиках и о продажных милиционерах, – предложил Турецкий.

– Откуда мне знать, что вы не один из них?

– От верблюда! – запланированно вспыхнул «важняк». – У меня в кармане пистолет, и, если бы я, «продажный мент», хотел, пристрелил бы вас, невзирая на все ваши дурацкие скаутские заморочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.